

Татьяна
Соломатина

Естественное

УБИЙСТВО-2

ПОДОЗРЕВАЕМЫЕ

Естественное убийство

Татьяна Соломатина

**Естественное убийство
– 2. Подозреваемые**

«Автор»

2012

Соломатина Т. Ю.

Естественное убийство – 2. Подозреваемые / Т. Ю. Соломатина —
«Автор», 2012 — (Естественное убийство)

Звонок лучшего друга как нельзя кстати отвлек судмедэксперта Всеволода Северного от мыслей о коварной бестолочи Алёне Соловецкой, которая без предупреждения сорвалась в Калифорнию. Если бы он только знал, чем обернется его согласие прочесть лекцию для деток богатых родителей в летнем лагере. Вместо того чтобы писать красивые письма Алёне, размышлять о том, как он сделает ей предложение, и придумывать имя нашедшему его терьеру, Северный вынужден участвовать в «охоте на педофила». Увы, сексуальные преступления против несовершеннолетних были, есть и будут. Только вместо того, чтобы слишком зачитываться прессой и Интернетом, не лучше ли чаще разговаривать со своими детьми?

© Соломатина Т. Ю., 2012

© Автор, 2012

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	15
Глава третья	21
Глава четвёртая	27
Глава пятая	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Татьяна Соломатина

Естественное убийство – 2

Подозреваемые

The people, places, and events in this book are, of course, fictions and fabrications.
John Steinbeck

Люди, места и события в этой книге, конечно же, мираж и выдумка.
Джон Стейнбек

Глава первая

– Прости, Сев. Нужна твоя помощь. Срочно...

Всеволод Алексеевич даже рад был Сениному звонку. Младший друг – это не только постоянная радость общения с тем, чьё восприятие жизни ещё не так цинично, но и отличный повод время от времени выплеснуть раздражение в бездонный колодезь всепрощения искренне любящего тебя щенка.

– Ну, чего тебе надобно, собака?! – рявкнул Северный, окончательно скинув с себя образ умненького, всё понимающего дяденьки.

Не образ, конечно же. Таким он, Всеволод Алексеевич Северный, судебно-медицинский эксперт пятидесяти годов от роду, и был. Умным, всё понимающим дядькой. Просто ему внове были разговоры со взрослыми дочерьми любимых женщин. Он и так-то не в своей тарелке, чего с ним давненько не случалось, а тут ещё Сеня так грубо прерывает беседу. Первую беседу с дочерью любимой женщины!.. Не было у Северного до сих пор любимых женщин. И даже любовниц не было... В смысле – со взрослыми дочерьми. Нет, может, они и были у тех любовниц – дочери. Да только кто дочерьми любовниц интересуется?! Интересуются только дочерьми любимых женщин. Всеволоду Алексеевичу одного-единственного коротенького телефонного разговора с дочерью любимой женщины хватило, чтобы его солнечное сплетение вдруг затопило чем-то тёплым, вроде привязанности, а сердце наполнилось чем-то горячим... Любовью, что ли?.. Как он может любить ни разу не виденную им вполне уже великовозрастную особу? Как он может любить девочку, о которой ничего не знает? Только имя. Алина... Но то, что она дочь этой коварной бестолочи Алёны Дмитриевны Соловецкой, так резко, без предупреждения взявшей да и сорвавшейся в Калифорнию, давало девочке Алине огромную власть над Всеволодом Алексеевичем. Он внезапно так чётко это осознал и принял, что ничего другого, как разозлиться на ни в чём не повинного Соколова, ему не оставалось. Не сердиться же на Алёну и на её дочь Алину, в самом деле! И уж тем более не злиться же на себя самого... На себя-то за что? Он всё делал правильно. Или не всё? Если всё правильно, то почему она улетела? Если неправильно, то почему её дочь была с ним по телефону вежлива?

– Алёна на край земли унеслась устрицы жрать, а ты на мне зло срываешь? – обиделся Сеня в трубку.

– Никто на тебе зло не срывает, – солгал Северный. – Что там у тебя снова-здорово срочно?..

– Давай я лучше приеду!

– Соколов, когда ты говоришь «давай я лучше приеду!», то это, как правило, означает, что ты мне хочешь подsunуть какое-нибудь совершенно идиотское занятие. А я сейчас не в самом

подходящем для идиотских занятий настроении. И к тому же что у нас сегодня, вторник? По вторникам я навещаю матушку.

– Сев, Маргариту Пименовну ты осчастливливаешь визитами не по графику, а по своему собственному желанию. Ну пожа-а-а-алуйста! Ну, можно я приеду? Ну, очень надо! И очень срочно, буквально на послепослезавтра! На кону моя репутация и репутация моего старшего сына! – заканючил Сеня.

– Репутация сопливого мальчишки? Хм... Ладно. Заезжай. Что может быть важнее репутации твоего старшего сына, в самом деле!

– А можно я его возьму с собой? – робко и вкрадчиво проблеял Сеня, пропустив мимо ушей иронию старшего друга.

– Можно. Если он обязуется стоять столбом в углу, молчать и дышать через раз и неглубоко.

– Он будет тише воды, ниже травы! Клянусь!

– Ты так и не снял с пуза крест, а с прикроватной тумбочки Библию? – усмехнулся Северный, но товарищ уже нажал отбой.

– Ну да, ну да... Что ещё так может скрасить вечер, как не визит сумасшедшего друга-гусара с восьмилетней к каждой бочке затычкой, – пробубнил Северный. Хотя недавно пообещал себе избавиться от привычки разговаривать с самим собой. Но Алёна, мерзавка, улетела не попрощавшись. Остаётся только надеяться, что у неё для этого были веские причины. Иначе он не простит... Что не простит? Не надо обманывать себя. Ей он простит всё. Всё, что она наделала, делает сейчас и даже то, что она наделает в их общем будущем!.. Размечтался, старый козёл. Не будет у тебя с ней никакого будущего. Тебе – полтинник. Ей – сороковка. У тебя на шее Рита Бензопила. У неё – взрослая дочь. Вы слишком долго были одиночками. Ничего не выйдет. Чтобы вышло, надо как Сеня. Жениться на пусть не слишком красивой, но зато надёжной. На такой, что не улетит в Калифорнию вот так, с кондачка, за здорово живёшь. На такой, что нарожает тебе подряд четверых детей. И жениться на такой надо не на закате, а хотя бы ближе к обеду. С другой стороны, кто сказал, что пятьдесят – это уже закат? Особенно учитывая то обстоятельство, что его, Северного, физическая форма такова, что любой тридцатилетний пацан позавидует. Не говоря уже о без пяти минут сорокалетних. Семён Петрович, вон, на двенадцать лет его моложе, а уже сердцебиение, одышка... Чёрт! Он же сейчас заявится сюда со своим старшим отпрыском! Сюда! В идеально выдраенную обитель старого холостяка, где всё на своих местах. Припрётся! С малолетним убийцей порядка! С особо опасным шалопаем-недомеркой! Со страшным носителем кретинского имени Дарий! Ну, какого этого самого Сеня не мог притащиться сюда – если ему вообще надо было так срочно сюда сегодня тащиться – с прекрасной девочкой Дашей, его следующим после Дария плодом чресел? Та хотя бы выглядит по-человечески и не носится оголтелым терьером, сметая всё на своём пути. Даша так благоговеет перед дядей Севой, что замерла бы за кухонной колонной немой изваянием, да так там и простояла весь папин с дядей разговор. Или пусть, пусть бы Сеня притащился с Георгиной. Георгише всего ничего – несколько месяцев от роду. А Соколов нынче, после совсем недавних событий, – почётный слингоносец. Так что была бы его плоть и кровь плотно к нему примотана и разве что навоняла бы. Так проветрить проще, чем из руин восстанавливать. В любом случае остаётся радоваться тому, что Сеня не приведёт в Севину обитель Георгия по прозвищу Жорыч – предпоследнего Семёновича. Тот вообще на всю голову долбанутый и ни стыда, ни слова «нет!» – не имеет. Георгия даже любящие мама с папой всё чаще называют не Жорычем, а Кошмар Кошмарычем. Господи, если они с Олесей родят пятого, то как его-то назовут? После Дариев с Дашами и Георгиев с Георгинами надо выдавать в мир нечто уж совсем неудобоваримое. Двойню. Кондуита и Швамбранию. Геркулеса и Лилипуту. Гаргантюа и Пантагрюэлину... В черепной коробке пятидесятилетнего интеллектуала всегда есть место для ментального мусора. И время для перебирания этого мусора. А как ещё не сойти с ума,

если Алёна на другой стороне глобуса? Что ей там, в этой Калифорнии?.. Всё это выдумка, нет никакой Калифорнии, и Америки нет, и Европы нет, ничего нет. И вообще, последний город – это Шепетовка, о которую разбиваются волны Атлантического океана.¹

Северный невесело усмехнулся, поднялся, наконец, из кресла и, подойдя к сплошному книжному стеллажу, достал труд Александра Дмитриевича Вентцеля *«И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев. Золотой телёнок. Ю. К. Щеглов. Комментарии. Москва, «Панорама», 1995. Комментарии к комментариям, комментарии, примечания к комментариям, примечания к комментариям к комментариям и комментарии к примечаниям А. Д. Вентцеля»*. Лет пять назад он купил её в книжной лавке на Кузнецком Мосту. Просто потому, что знал, кто такой Александр Дмитриевич Вентцель. А ещё потому, что на обложке книги, изданной всего двухтысячным тиражом, был напечатан отзыв Александры Ильф: *«Будучи «дочерью Ильфа и Петрова» или, во всяком случае, только Ильфа, я очень болезненно отношусь к стремлению некоторых авторов подогнать их творчество и их жизнь к своим идеям и тезисам. В комментариях А. Д. Вентцеля я чувствую себя тепло и уютно»*.

Всеволод Алексеевич, относясь к Ильфу и Петрову или, во всяком случае, к Ильфу, очень уважительно, не менее болезненно относился к стремлению некоторых авторов выискивать блох в текстах *«Двенадцати стульев»* и *«Золотого телёнка»*. Кроме того, математику и лингвисту-полиглоту Вентцелю доверял безоговорочно – и потому не раздумывая приобрёл книгу. И не раз уже прочтя её от корки до корки, каждый раз приятно удивлялся органичному сочетанию вьедливой методичности аналитика и искренней любви филолога к исследуемому тексту, которого Александру Дмитриевичу, сыну известной русской писательницы И. Грековой – Елены Сергеевны Вентцель, – удалось добиться в этом воистину научном и поистине литературном труде. Не говоря уже об исторической его ценности.

Северный прилёг на софу и раскрыл книгу на случайной странице:

«Стр. 326: «Я старый профессор, бежавший из московской Чека». Для меня было неожиданностью, когда я прочёл в издании 1934 года: «Я старый профессор, бежавший из полуподвалов московской Чека». Как замечательно! Вывернутый и сниженный антисоветский стереотип: «подвалы Чека» (и как это тогдашняя цензура допускала упоминание, хотя бы и высмеивающее, антисоветских стереотипов!). Но в последующие десятилетия цензура сделала своё дело: удалила соблазн и немного, в меру своих сил, ухудшила литературное качество текста».

Всеволод Алексеевич вздохнул. Ох, как давно он алкал неподцензурного издания *«Золотого телёнка»*, выпущенного издательством имени Чехова, или хотя бы этого, упомянутого у Вентцеля, выпущенного в 1934 году. В общем, такого издания, где был первоначальный текст Ильфа и Петрова: *«Вот наделали делов эти бандиты Маркс и Энгельс!»* — в том пассаже, что после «соавторства» цензуры ещё советской даже сейчас, в издании, например, 2004 года в возрождённой серии «Библиотека всемирной литературы», выглядит так: *«Слышали новость? Меня вычистили по второй категории». И некоторые знакомые сочувственно отвечали: «Вот наделали делов эти Маркс и Энгельс!» А некоторые ничего не отвечали, косили на Побирухина огненным глазом и проносились мимо, тряся портфелями»*. Почему бы нынешним редакторам не озаботиться переизданием оригинального текста? И почему американского гражданина, математика Вентцеля, живущего в Новом Орлеане, сохранность и неприкосновенность авторского слова тревожит больше, чем нынешних русских издателей, граждан РФ, живущих

¹ В оригинале фраза звучит, разумеется, иначе: «Всё это выдумка, нет никакого Рио-де-Жанейро, и Америки нет, и Европы нет, ничего нет. И вообще последний город – это Шепетовка, о которую разбиваются волны Атлантического океана». Ильф, Евгений Петров, *«Золотой телёнок»*.

в Москве? Переквалифицироваться, что ли, на старости лет в редакторы? Так вроде и судебно-медицинский эксперт из Северного вышел отличный!

– *Не надо оваций!*²

Вместо оваций раздался звонок. Северный встал и нажал кнопку домофона.

– Дарий, ты помнишь, что должен стоять изваянием в углу, пока твой папа будет морочить мне голову?

– Да, дядя Сева!!! Клянусь!!! – заорал ретивый мальчишеский голосок.

– Ещё один, не знающий «не клянись!», ещё одно поколение клятых, – проворчал Северный, но его уже никто не слушал.

Через несколько минут в незапертую дверь внёсся всклоченный симпатичный мальчуган и завизжал:

– Как я рад тебя видеть, дядя Сева!!! Смотри, как я умею!!! Нас в лагере тренер научил!!!

– Дарий, скотина, не смей!!! – истошно выкрикнул Семён Петрович сыну. Но не успел он ещё закончить фразы, как пацан уже прошёлся колесом. Причём – в направлении той самой стены, что была заставлена книгами до потолка. Обожаемыми книгами годами скрупулёзно собираемой библиотеки. «Колесом» – это, конечно, громко сказано. Он тупым кулём шлёпнулся на пол, по касательной задев ногами книжные полки. Сверху на него свалилась груда синих томиков. Всеволод Алексеевич соорудил скептическую мину, Сеня ошарашенно застыл, видимо, ожидая кары. Дарий заревел.

– Соколов, скажи мне, как старый чекист старому чекисту, ты уверен, что эту репутацию надо спасать? – Северный поднял с пола одну из книг, не обращая внимания на рыдающего мальчишку. – Ты смотри, на нужной странице раскрылось! *«Но когда страдание обретает голос и заставляет трепетать наши нервы, тогда душу переполняет жалость...»* Дарий, во-первых, немедленно прекрати орать! На меня твои слёзы не действуют. Я твоему папе зачем-то сегодня очень нужен, так что при мне он не будет с тобой сюсюкать. К тому же ты совсем не больно ушибся. Во-вторых...

– Мне не больно! У меня не вышло колесо-о-о!!! – затянул парнишка.

– Во-вторых, читал ли ты, о маленький звероподобный человечико, «Остров доктора Моро»? – не обращая внимания, продолжил Северный.

– Нет! Я читал только про Гарри Поттера.

– Неандерталец!

– Дарий, немедленно извинись перед дядей Севой! – грозно произнёс отмерший Семён Петрович, поняв, что Северный не намерен делать из его старшего сынишки котлету.

– Дядя Сева, извини меня, пожалуйста! – протокольно-заученно пискнул ушедший от справедливого возмездия бандит и поднялся на ноги.

– Осторожней, вандал! – Северный скривился, глядя, как книги вновь осыпались. – Это же Герберт Уэллс! Собрание сочинений в пятнадцати томах 1964 года издания! Даже твоего папы ещё в проекте не было, когда люди получали удовольствие от прочтения этих книг!

– Кто такой Герберт Уэллс? – деловито уточнил Дарий, хватая с пола книги и пытаясь запахатать их обратно на полку абы как.

– Оставь! – лицо Всеволода Алексеевича перекосила мученическая гримаса. – Только не твоими немытыми корявыми лапами.

Семён Петрович бросился сыну на помощь.

– И ты оставь, чудовище! Только у такого бестолкового создания, как ты, мог взрасти сын, понятия не имеющий, кто такой Герберт Уэллс!

Оба – и папа, и сын – в ужасе бросили книги обратно на пол.

² Реплика Остапа Бендера, завершающая роман «Золотой телёнок»: – *Не надо оваций! Графа Монте-Кристо из меня не вышло. Придётся переквалифицироваться в управдомы.*

– О боги! – взвыл Северный. – Да что же это за наказание такое, а?!! Оба руки по швам – и сделали по пять шагов назад! Быстро!

Взрослый мужчина и маленький мальчик послушно прижали руки к корпусам и отступили на указанное количество шагов. Дарий даже считал вслух:

– Раз, два, три, четыре, пять!

– Нет такой цифры: «раз», – рассмеялся Всеволод Алексеевич, глядя на слаженные действия своих гостей. И, немного помолчав, процитировал:

«Постепенно я настолько привык к зверолюдям, что тысячи вещей, раньше казавшихся мне дикими и отталкивающими, скоро сделались обыкновенными и естественными. Вероятно, окружающая обстановка на всё накладывает свой отпечаток...» Или, по-русски говоря: «С волками жить – по-волчьи выть». До тесного знакомства с тобой, Соколов, я мог бы и убить за подобное обращение с книгами. Ну, не убить. Это – гипербола, – уточнил он, обращаясь к Дарию. – Но от дома отказать на раз-два-три!

– Нет такой цифры: «раз»! – выпалил Дарий и спрятался за папу.

– Умный, поганец! – восхищённо присвистнул Сеня.

– Не свисти в моём доме! Тем более, если ты помнишь, то у меня ещё незаконченные финансовые дела в Лондоне. Куда я на выходные и улетаю. Так что быстро говори, что тебе от меня нужно, я быстро аргументированно тебе откажу – и мы тут же расходимся, недовольные друг другом, до следующих малоприятных нескорох встреч.

– Кто такой Герберт Уэллс?! – нетерпеливо притопнул ногой Дарий.

– У папы потом узнаешь. Или в Интернете уточнишь, раз твой папа утверждает, что ты умный.

– Ну, дядя Сева, ну пожа-а-алуйста! – заныл Дарий.

– Писатель. Англичанин.

– Как та, что написала про Гарри Поттера? Дай почитать!

– Ни за что! Ни за что не дам тебе почитать. Но если ты пообещаешь пятнадцать минут молчания, то я куплю тебе тот самый «Остров доктора Моро». Современное издание – в обложке, но на туалетной бумаге, – калечь на здоровье. И ещё, пожалуй, «Волшебную лавку». С неё тебе и стоит начать. Но при одном условии...

– Я буду молчать пятнадцать минут!

– Отлично. Тогда при двух условиях. Первое – четвертьчасовое молчание. Второе – напишешь мне, что ты думаешь по поводу прочитанного. Идёт?

– Идёт. А что мне за это будет?

– Живой отсюда уйдёшь, понял?! – грозно, с хрипотцой, прорычал Северный. – Это только твой папка воспитывает детей по системе взаимозачётов. Я предпочитаю систему: «ты мне должен, я тебе – нет!»

– Но у тебя же нет детей!

– Именно поэтому. Не желаю становиться ничьим заложником. Всё, хватит! Беседа затянулась. А ты что молчишь, как рыба об лёд?

Семён Петрович действительно был как-то нехарактерно для него немногословен. И застывшее выражение его обыкновенно мимически подвижного лица выражало крайнюю озабоченность.

– Давай уже, проси мою срочную помощь.

– Сева, понимаешь, какое дело... Я тут Дария сдал в блатной, типа, лагерь. Летний, оздоровительный... Но учебный, учебный! – замахал руками Соколов, заметив, как изменилось выражение лица Северного. – И даже воспитательный. Для всяких там хороших деток из приличных семей. Их там, типа, тренируют по-всякому, языкам учат. Развивают, в общем. Утром привёз недоразвитого, вечером забрал уже слегка мозгом и телом окрепшего – красота. Да ещё и за городом. Бассейн, лужайки, воспитатели. Никаких люмпенских детишек...

– Понятно. Спесьевато.

– Что?

– Прости. Я забыл, что ты у нас не любитель классической литературы. Всё больше прайсы, спецификации да списки «Форбса» – для духовного развития – почитываешь. «Спесьевато» – это у Гоголя Николая Васильевича. В «Женитьбе». Или, говоря современным языком, – снобски. Итак, ты сдал своего дубиноголового сынишку в снобское летнее учебно-типа-как-бы-воспитательное заведение, – перекивлял Северный друга. – Мне до этого какое дело?

– Сева, там у них в пятницу день интересных профессий. Предполагалось, что выступать будут родители. Но, как выяснилось, почти у всех детей родители занимаются, типа, бизнесом. У кого свой, кто управленец. Короче, все поголовно – счастливые владельцы полного собрания сочинений Филипа Котлера³... А директор этого летнего лагеря хотела, чтобы детям рассказали о космонавтике там... О полярниках. О капитанах дальнего плавания. Понимаешь?

– Неужто детишки не хотят слушать о бизнес-аналитике, о льготах для мелких собственников, а также о четырёхстах сравнительно честных способах ухода от налогов? Куда смотрит олигархическая верхушка?! – притворно ужаснулся Северный и по-бабьи всплеснул руками.

– Тебе бы только издеваться!.. В общем, директор сказала, что родители, раз уж они сами не могут поведать детям ничего интересного, должны разыскать кого-то типа... – Сеня запнулся.

– Специалистов Центра управления полётами с Байконура, доблестных разработчиков вакцин против разнообразных чум двадцать первого века или, на худой конец, ассенизатора? – услужливо продолжил старший товарищ ехидным тоном.

– Можно ещё судебного медика! Типа, начальника бюро сложных экспертиз! Папа сам предложил! – услужливой скороговоркой протараторил Дарий.

– Пятнадцать минут!.. – нахмурился Северный. – А вообще-то ты не только несдержанный и глупый мальчишка, но ещё и Павлик Морозов. То, что твой папка трепло – это одно. А вот то, что ты предаёшь родного отца – совсем другое.

– Никого я не предавал! И никакой я не Павлик Морозов. Я – Дарий Соколов. Я просто помог, чтобы он не мучился, – насупился Дарий.

Северный махнул рукой.

– Прекрасное семейство. Вы меня когда-нибудь с ума сведёте.

– Придёшь? – Семён Петрович искательно заглянул другу в глаза. – Там одна тётка, такая, типа, сильно крутая, в пятницу приволочёт шеф-повара крутого блатного ресторана, где она заправляет, и он даже устроит детишкам мастер-класс...

– Детки средне-богатых буратин буду готовить фуа-гра и запекать гусей в трюфельном соусе?

– Сева, ну тебе что, сложно?

– Соколов, ты идиот или прикидываешься? Что я могу рассказать детишкам из снобского частного лагеря? Да и любым детишкам, если разобраться...

– Ну, у тебя же интересная профессия!

– Ага. Сразу после шеф-повара и перед светским обозревателем. «А теперь, детки, дядя Сева расскажет вам методику препарирования «подснежника». Может, ещё и мастер-класс провести? Для более наглядной агитации, так сказать. Чем я хуже шеф-повара? – Северный скривился и, посмотрев в сторону друга более чем выразительно, покрутил пальцем у виска.

– Там будет не только шеф-повар, а ещё и профессор кристаллографии.

– О господи! Так себе это и вижу, как детки, раскрыв рот, слушают о показателях преломления и пытаются несчастного старика на предмет, почему стразики Сваровски не добывают в шахтах где-нибудь за Уралом. Слушай, предложи директору этого вашего заведения органи-

³ Гуру маркетинга.

звать отпрыскам самолётную экскурсию в Natural History Museum. Познавательно. Статусно. Да и языки, ты говоришь, они учат. Что правда, понятия не имеют, кто такой Герберт Уэллс, но языки-то учат! Дарий, временно отменяю запрет на молчание! Скажи мне по-английски: «Зачем мой папа сдал меня в этот идиотский лагерь?»

– Я столько не могу сказать. Я знаю только, как будет «зачем» и «папа». Why, Dad?! – гордо выпалил Дарий.

– Молодец, этого достаточно. Можешь смело молчать дальше.

– Сева, я его сдал туда, потому что там зелень, чистый воздух и приличные дети.

– Не-ет! Ты примазываешься к среде. И делаешь это за счёт ребёнка! И он, так ничего и не узнав, станет самым что ни на есть сатирическим персонажем – знаний и умений ноль, а форсу – выше неба. Не пойду я к детишкам снобов. Не пойду! Причём не из-за отсутствия жалости к детишкам, а из наличия жалости к себе. Не той я фактуры дядя, чтобы перед зажавшимися маленькими глупцами паясничать.

– Севка, я уже пообещал! – взвыл Сеня.

– Так будет тебе наука впредь – не обещать того, что ты не в силах выполнить.

– Ну, хочешь, на колени упаду?!

– Соколов, прекрати! Что за глупый фарс!

Семён Петрович призывам друга не внял и фарс не прекратил, а натурально шлёпнулся на колени, стукнулся лбом оземь – точнее, о толстый ковёр – и, протянув руки к Северному, хитро проворковал:

– А я сдам тебе Алёнкин номер телефона в Америке. И её электронный адрес, чего уж там. Ты ведь придёшь к Дарию в летний лагерь, правда?!

– О! Так это у вас семейное? Так оно у вас в крови, предательство?!

– Дядя Сева, а папа ещё дома маме говорил, что если ты не согласишься, он тебе предложит номер телефона Алёны и её почту. А мама говорила, что он так предаёт Алёну.

– Павлик Морозов!!! – Пухлый Соколов достаточно бодро восстал с колен и отвесил своему наследнику подзатыльник.

– К чёртовой матери вас всех! И тебя, и твоего сына, и вашу Алёну! – не на шутку разозлился Северный и, махнув рукой, отправился в кухонный отсек своей обители. Сварить себе кофе.

– Сев, ты придёшь?

– Приду. Давай адрес этого лагерного беспредела для глупых детишек очередного новорусского снобья и примазывающихся вроде тебя.

Соколов ловко выудил из кармана пиджака листок из блокнота с адресом и схемой проезда. И положил на столешницу. Мельком глянув, Северный заметил там же имя-отчество его внезапно исчезнувшей возлюбленной, номер её «американского» телефона и электронный адрес.

– Дешёвый шантажист. Копеечная манипуляция.

– Но сработало же! Главное – эффективность! – виновато заулыбался Семён Петрович.

– Бизнес испортит любого хорошего парня. И даже дружить он станет с прицелом на эффективность.

– Зачем ты так?! Детям же действительно интересно!

– Что? Работа судебного медика?.. Разве что эти дети выросли в семейке Аддамсов. И не изображай обиженного. У тебя плохо получается. К тому же мне всё можно. Потому что тут собака именно я. А ты пока щенок. Кофе будешь?..

– Сева, я тебя люблю! – расплылся Соколов.

– Только никаких объятий и поцелуев, – пробурчал Северный. – Последний раз спрашиваю: кофе будешь?

– Буду!

– Так, значит, есть такая цифра – раз? – тихо и деловито уточнил Дарий непонятно у кого.
– Да. Раз – первая цифра. И она же – последняя, – проворчал дядя Сева, занимаясь пресловутым напитком из коричневых зёрен.

Северный разлил свежесваренный ароматный кофе по маленьким фарфоровым чашечкам.

– Что-то твой Дарий подозрительно затих. Пятнадцать минут уже истекли.

– Уже истекли, да?!! – не замедлил подать голос мальчишка. – Дядя Сева! Я хочу у вас жить! У вас тут так хорошо! Просторно! Есть где колесо сделать. Не то что в нашем хлеву, где шагу ни ступить, чтобы ноги не поломать! – последнее он высказал явно с интонациями мамы Леси.

– А ты когда свои игрушки последний раз на место убирал?! – рявкнул на сынишку Соколов.

– Спасибо, Дарий, я в курсе, что у меня хорошо и просторно. И поэтому ни ты, ни тебе подобные никогда здесь жить не будут. Потому что дядя Сева отлично знает, как такое хорошо за пару дней превращается в унылое воспоминание и приравняется к конфискации имущества.

– Да я просто хотел колесо показать, – опять надул губы Дарий.

– Ладно, посмотрим. Вот годков через несколько достанете вы своего папку, бросит он вас, вот тогда, может, и приючу.

– Не бросит! – чуть не взвизгнул парнишка и встал у отца за спиной.

Соколов прихлёбывал кофе, довольно урча.

– А Алёнка мне письмо прислала... – кинул он в пространство.

– Судя по твоему наигранно-безразличному тону, я сейчас должен был обжечь себе язык, поперхнувшись кипятком, не так ли?

– Мне показалось, что ты влюбился...

– Дядя Сева влюбился, дядя Сева влюбился! Бе-бе-бе!!! А надо мной смеялся, гарантофилом называл! – Дарий запрыгал в опасной близости от стола с кофейными чашками.

– Геронтофилом! – поправил сынишку Семён Петрович.

Северный прикурил сигарету, медленно затянулся и глубокомысленно выпустил дым:

– Зря ты его в этот летний лагерь отдал. Об элементарных вещах понятия не имеет, а «гарантофилия» – уже на слуху. Опасный признак. Хотя забавное словечко. Любовь к гаранту. Исток культа личности... Это я, прости, записных книжек Ильфа и копаний Вентцеля начался.

– Влюбился, влюбился!!! – не успокаивался Дарий.

– Если ты ошпаришься, то зарыдаешь по-честному, – серьёзно предупредил мальчонку Всеволод Алексеевич. – А в моём доме нет средств первой помощи от ожогов, соплей, поносов, порезов и прочих хворей малолетних гадёнышей. Это прерогатива безобразно перенаселённых детишками домов. Так что если ты успокоишься, я скажу тебе правду.

Дарий немедленно застыл сусликом.

– Я, друг мой Дарий, действительно влюбился в Алёну Дмитриевну. Не стану отрицать.

– Не станешь чего?

– Отрицать. Отрицать – это, малыш, означает говорить «горько!» – когда сладко, или хныкать, что у тебя болит живот, чтобы не пойти в школу. То есть отрицать – попросту врать. Потому я предпочитаю отрицать отрицание. И потому скажу честно: я влюбился. И даже полюбил. Полюбил эту самую вашу Алёну Дмитриевну, папину давнюю подругу, на которой ты хочешь жениться, когда вырастешь. И на которой, как папка твой, помнится, проговорился в темноте захламлённого преддверья вашей берлоги, он сам хотел жениться в незапамятные времена. Но тот факт, что я полюбил Алёну Дмитриевну, не отрицает существующего положения вещей: она не ответила мне взаимностью и улетела в Калифорнию.

– То есть этот факт не врёт существующему положению вещей? – уточнил Дарий.
– Сеня, если ты сейчас заорёшь, какой твой сынишка умный, – я тресну тебя по печени.
– Молчу-молчу! – примирительно поднял руки вверх уже открывший было рот Соколов.
– Именно так, мой малолетний дружище. Именно так. Ни этот факт не врёт существующему положению вещей. Ни существующее положение вещей не врёт этому факту. И, таким образом, не обманывая друг друга, факт моей любви к Алёне Дмитриевне и существующее в Калифорнии положение вещей честно сосуществуют, совершенно не пересекаясь.

– И что делать? – ахнул Дарий. – Когда меня не захотела полюбить Наташка из второго подъезда, я запихал её в сугроб, да ещё и за шиворот снега насыпал.

– Помогло? – прищурился Всеволод Алексеевич.

– Да! Она заплакала!

– Я не хочу, чтобы Алёна Дмитриевна плакала.

– Ну-у-у... Значит, ты её не любишь! – уверенно констатировал Дарий. – Когда мальчик любит девочку, а девочка его не любит – мальчик всегда хочет, чтобы девочка плакала.

– Ты, Дарий, путаешь страсть с любовью...

– Тебе что, не интересно, что мне написала Алёна?! – не выдержал Соколов.

– Сеня, будь ты чуть мудрее ночного горшка, ты дал бы мне договорить с твоим сыном о важном. А теперь он так и будет путать страсть с любовью, тёплое с мягким, а зелёное с турбулентностью.

– С чем? – удивился Дарий.

– Сынок! Дядя Сева нас просто забалтывает. Потому что на самом деле он с ума сходит от любопытства и просто мечтает узнать, что мне написала Алёна.

– Угадал! Попал точно в цель! Именно это немолодой уже мужчина и желает узнать: что же там написала нашему другу Семёну Петровичу его давняя подружка Алёна Дмитриевна. Нет-нет, не говори! Дай сам попробую! Итак, она написала... Она написала... – Северный закрыл глаза и задрал голову вверх: – Тсс!!! Ни звука! Я считываю из мирового эфира! Алёна Дмитриевна написала: «Сеня, привет! Долетела нормально, у меня всё хорошо!» – Он открыл глаза, опустил голову и затушил бычок в пепельнице. – Ну, или что-нибудь ещё, не менее оригинальное, в таком роде.

– Да. Почти дословно. Только ты не дочитал там ещё, в своём эфире. Ещё она написала: «Как там Северный? Дай ему мой e-mail. А то у меня нет его адреса и вообще, как-то всё скомканно. Наверное, я некрасиво всё-таки поступила».

– Засранка! – проворчал Северный. – Мне она не могла позвонить, оставить адрес... А вот Сенечке Соколову...

– Не сердись на неё. Я для Алёны больше двадцати лет как подружка, не более того. Наперсник, когда ей хочется. И никто – когда ей не хочется дружить. И если бы ты знал её чуть дольше, а о ней – чуть больше, то ты бы понял, что для Алёны значит просто поинтересоваться «как там Северный?» – и уж тем более чего ей стоило попросить меня дать тебе её e-mail.

– Тоже мне, гордячка из села Кукуево!

– Сев, не бурчи! – Соколов посмотрел на сына. – А ты чего уши развесил?! Вырастут в ослиные!

– Странные вы все какие-то, взрослые, – по-старушечьи вздохнул Дарий. – Чего мне тут подслушивать? Всё и так понятно. Дядя Сева любит Алёну, а она – засранка. И ей просто надо за шиворот снега запихать, чтобы она заплакала. И тогда всё будет хорошо, вы поженитесь и нарожаете четверых детей. И будет у тебя, дядя Сева, тоже не квартира, а сарай.

– Твоя правда! – рассмеялся Северный. – Только одна проблема, брат Дарий, – ни снега в Калифорнии нет, ни меня... Ладно, друзья. Хорош свистом пространство сотрясать. Папа твой с меня вытянул, чего хотел. Только за последствия я не отвечаю. А вот за то, что он использовал для этого козырь, и так мне законно выпавший, – так за это он ещё ответит! Идёмте, я вас

провожу до ближайшего книжного. Ты же всё-таки пятнадцать минут почти честно отмолчал? Ну так и я своё слово сдержу – получишь ты «Волшебную лавку» и «Остров доктора Моро». Но если, получив, не прочитаешь – пеняй на себя!

– А что ты сделаешь, если не прочитаю? Я же уже уйду отсюда живой! – нахально-кокетливо, как это умеют все слегка перебалованные дети, уставился на него Дарий.

– У меня на работе есть трупный яд. Не прочитаешь – гарантированно отравлю всю вашу безумную семейку! И маму, и папу, и... – зловещим шёпотом обещал дядя Сева.

– Не надо!!! – завыл Дарий. – Я прочитаю!!!

– Вот так-то лучше! И чтобы через неделю у меня тут на столе лежала писулька с мыслями о прочитанном, понял?!

– Дядя Сева шутит про трупный яд, – примирительно сказал Соколов.

– Дарий, у дяди Севы нет чувства юмора. И уж про что-что, но про трупный яд он никогда не шутит! Слово судмедэксперта!

И суровой мужской компанией друзья отправились в ближайший книжный магазин.

Глава вторая

Прикупив обещанное Дарию, Северный отправил друзей восвояси, а сам ещё немного прогулялся. Ему надо было прийти в себя. Его обуревали противоречивые чувства. Как бы это ни было избито, но чувства Всеволода Алексеевича обуревали именно что противоречивые. Вовсе не из-за того, что он согласился выступать перед детишками, расхваливая профессию судебно-медицинского эксперта. Мало ли сколько раз за свою долгую жизнь он делал то, чего не хотел... Из-за Алёны, мать её, Дмитриевны! Он перед ней душу раскрывает, как малолетний пацан. Замуж ей предлагает. Рыбу ей запекает. Счастлив тем, что она нежится в его ванне, а в ответ?! Ни слова, ни полслова – в Калифорнию! Могла бы сказать что-нибудь вроде: «Севка, эта поездка была давно запланирована. Я же не знала, что встречу тебя! Хочешь, я всё отменю? Хочешь, полетим вместе?»

У него, между прочим, и виза американская есть... Ерунда! Не в визе дело. Дело не в том, что у него есть или чего у него нет – включая чувства. Дело в том, что мало-мальски воспитанные девушки так не делают. Трахнула, поела, погуляла – улетела. Так даже мало-мальски воспитанные парни не поступают. Всегда есть время для вежливого звонка, для прощальной sms-ки, в конце концов...

Немного поразмыслив, Северный признал, что не получить от Алёны Дмитриевны Соловцкой ничего было куда лучше, чем получить от неё прощальную записку по мобильному телефону какого-нибудь однозначно-идиотского содержания, типа: «Прости, наша встреча была ошибкой!» Этого он бы точно не перенёс. При его-то гордости, которую матушка Рита Бензопила ошибочно именуется «гордыней», Всеволод Алексеевич после сообщения подобного содержания скорее бы перегрыз себе руку, чем смог написать или позвонить... Когда говорят: «вон!» – ничего не остаётся, как выйти вон. Алёна не сообщила ему ничего. Да, пусть это было невежливо, но не фатально. Остаётся только надеяться, что, несмотря на всю бабью дурь, она достаточно умна – и поняла, что с Северным можно всё. Кроме прямого указания выйти вон. В любом случае она ему теперь должна! Одно объяснение. И одно извинение. А он сможет получить по счёту, получив её! Или наоборот? Хм...

Всеволод Алексеевич присел на скамейку и раскрыл яркую детскую книжку. Да-да, не смог удержаться от искушения и не только Дарию, но и себе прикупил экземпляр «Волшебной лавки» Уэллса современного издания. Перед качественной полиграфией Северный был бессилён. Хорошая бумага, запечатанный форзац, яркие, прекрасные, талантливые, полноцветные иллюстрации... Красивая книга – как красивая женщина – не обязательно любить, но непременно – восхищаться!

Тираж всего три тысячи... Ну да, книжонка недешёвая. Можно даже сказать – дорогая. Но она того стоит! Как можно получать удовольствие от книги, распухшей из-за откровенной газетной бумаги, как тухлый бычок, и у которой края обрезаны – как обглоданы?! Ладно ещё, если ложился с красавицей, а проснулся с крокодилом! Сам виноват. Пить надо меньше. Но на трезвую голову лечь с крокодилом – это, я вам доложу, надо обладать!

Обнюхав, как спаниель, корешок и пропустив страницы веером через пальцы, Северный прочитал лишь последний абзац этой странной-странной сказки:

«Остается только денежный вопрос. У меня есть неизлечимая привычка всегда платить по счетам. Я проходил Риджент-стрит несколько раз вверх и вниз в надежде найти Волшебную лавку. Тем не менее я думаю, что если эти люди из Волшебной лавки знают имя и адрес Джипа, то они всегда могут прийти и получить по счёту».

Он захлопнул книгу. Северному было интересно, что подумает об этой сказке маленький Дарий. Что-то же он должен подумать? Даже самые любящие родители не могут избавить ребёнка от этой вредной привычки – думать.

Ещё немного прогулявшись, он отправился домой. Наблюдать закат с высоты своего последнего этажа прекрасной просторной холостяцкой обители. Как ему хотелось, чтобы Алёна сейчас была с ним, на этой лоджии, как в ту ночь...

– Я знаю её имя, и у меня есть её адрес! – сказал он небесам. Вернулся в комнату, сел за письменный стол и открыл лэптоп. Вошёл в почту, кликнул на «написать письмо», вбил в окошко Алёнин e-mail и торжественно воздел кисти рук над клавиатурой...

– Так! Так-так-так! – он пошевелил пальцами.

Надо сказать, что коммуникативных проблем у господина Северного практически никогда не приключалось. Особенно с представительницами противоположного пола. Ни в устном, ни в письменном виде. За пару-тройку затяжек вполне мог написать эдакую изящную штучку:

*Отниму от жизни кроху
Брошу ласточке-голубке
Поцелую нежно в губки
Полетай ещё немного*

Чему страстно завидовал его друг Сеня, любитель рифмованных строк, с трудом изрыгающий из себя посвящения жене типа:

*Ты в жизнь мою входила туго.
Спасибо, верная подруга,
Что всё-таки в неё вошла,
Иначе мне пришлось бы туго!*

Бодливой корове бог, как общеизвестно, рогов не даёт. Вот так и Соколову, жаждущему быть пиитом, господь такого таланта не отвесил. Зато Семён Петрович наделён многим другим. Например – быть хорошим другом. Отменным отцом. И умением создавать проблемы на

ровном месте. Северный же, отлично владеющий даром стихо– и вообще – словосложения, – никогда эту свою способность не выпячивал. Читать любил куда больше, чем писать. Но если уж брался – у него получалось складно, красиво и без напругов.

– Так-так-так! – повторил Всеволод Алексеевич и, опустив руки, прикурил сигарету.

– Чёрт знает что такое! – возмутился он, глядя в пустое поле письма.

Глубоко затянувшись, он решительной дробью моментально впечатал туда:

Здравствуйте, разлюбезная Алёна Дмитриевна...

— Угу, угу... Не хватает для завершённости сакраментального: «Во первых строках моего письма...»!

Он удалил предложение.

Привет, Алёнка!

– Так может начинаться sms-ка от прыщавого гормонально-озабоченного подростка, но никак не... – и Северный снова нажал на клавишу Backspace.

Hi! How are you, Alena?!

– А это что за развязная иноязыкая бравада? Что такое, сто тысяч чертей?! Бабе письмо написать не могу!

Всеволод Алексеевич вскочил, походил туда-сюда, вышел на лоджию, посмотрел на ночную Москву...

Сколько там времени, в этой Калифорнии? Одиннадцать часов разницы. Одиннадцать часов куда? Туда или сюда? Что-то Северный совсем отупел. Где там Солнце встаёт? На западе или на востоке? А садится куда? В Тихий океан или в Атлантический? Солнце вообще не встаёт, балда! И тем более не садится! Оно же Солнце, кто его посадит?! Да что с ним такое?! Не с Солнцем, а с Северным? Где его признанная реакция на элементарные задачки? Это ж не астрофизика, в конце концов! Он что, ни к чему, кроме парафразов на старые советские комедии, не способен? Похоже. Во всяком случае, когда думает о Соловецкой. Почему с теми, кто нам действительно интересен и дорог, мы становимся невняты и скомканны, в то время как с теми, кто нам безразличен, – остроумны, искромётны и хоть сейчас в капитаны высшей лиги «КВН» или «Что? Где? Когда?»?

Северный вздохнул и подошёл к книжным полкам. Это было где-то во втором томе. Карта поясного времени. Он достал толстый жёлтый фолиант. Детская энциклопедия, 1959–1960 года издания. У него были все десять томов. Приобрёл у всё того же пройдохи букиниста – бесменного поставщика книг в библиотеку Северного. Детская энциклопедия была в отменном состоянии. В отчем доме была такая же, но благочестивая матушка Рита Бензопила ни за что не хотела расставаться с некогда зачитанным маленьким Севой до дыр собранием. Кричала, что будет внукам её читать. Каким внукам? Откуда у неё внуки, если он, Всеволод Алексеевич Северный, – единственный сын ныне здравствующей Маргариты Пименовны и давно уже упокоенного Алексея Всеволодовича – четы докторов Северных. Педиатра и хирурга. Дались им эти внуки? Были бы внуки – были бы хлопоты. И Рита бы пилила сына на предмет каких-нибудь аденоидов наследника и о том, что ей некогда с ним посидеть. К тому же именно маменька не одобряла ни одну из тех редких особей женского пола, коих Сева имел неосторожность приводить домой. Слава богу, это всё в далёком прошлом... Да? А как же Алёна?.. В общем, к тому времени, как Рита отчаялась дожидаться внуков, у Северного уже была своя собственная Детская энциклопедия. Зачем она ему? А затем, чтобы вот именно сегодня, именно сейчас посмотреть карту поясного времени.

Северный полистал том «Земная кора и недра Земли. Мир небесных тел». Так... Страница 448:

«Условная линия начала даты и дня установлена не случайно, а сложилась исторически. В XVIII в. русские мореходы и зверобои открыли Америку с запада и, продвигаясь в глубь Аляски, встретились с английскими колонизаторами, проникшими в Америку с востока. Англичане считали тот день субботой, а русские – воскресеньем, и обе стороны были совершенно убеждены в своей правоте.

Подобные недоразумения были известны ещё со времён кругосветного путешествия экспедиции Магеллана в 1519–1522 гг. Чтобы не было путаницы в счёте дней недели и календарных чисел, моряки установили правило: корабль, пересекающий Тихий океан в направлении с востока на запад (от Америки к Азии), пропускает в календарном счёте один день и считает, например, после понедельника 31 декабря сразу среду 2 января. Корабль, пересекающий Тихий океан в противоположном направлении, наоборот, дважды считает один и тот же день.

Эта международная граница перемены чисел проходит по 180-му меридиану...»

Северный оторвался от текста и долго смотрел в карту поясного времени на сто восьмидесятый меридиан.

– И что это тебе дало, дубина? – пробурчал он себе под нос. – Алёна никаких океанов не пересекает, а торчит где-то в Калифорнии. Ты даже понятия не имеешь где! Вот если у меня одиннадцать часов вечера вторника, то, например, в Сан-Франциско сколько?

Всеволод Алексеевич прикрыл глаза и сделал пару каких-то странных вращательных движений руками вокруг своей головы. Видимо, эти пассы символизировали вращение Земли вокруг Солнца. Хорошо, что его в этот момент никто не видел. Особенно родная мать. Вот уж кто бы не удержался от ехидных комментариев и саркастичных замечаний типа: «Что, Севушка, седеет кора головного мозга-то? Патиной покрывается? Дубильными веществами пропитывается? А был бы у тебя сынишка смыслённый или дочурка сообразительная, они бы быстро папе Севе глобус принесли и рассказали бы старому маразматику, сколько сейчас времени во Фриско... А так тебе остаётся только коротать свой бобылий век в компании веществ, стимулирующих мозговое кровообращение. Пока гадить под себя не начнёшь. А потом уже всё – сенильное отделение дурки!»

К чёрту Риту!.. Вот глобус – это тема!

Северный подошёл к полке с глобусом, купленным когда-то в Копенгагене... Крутанул его.

– Полдень сейчас в том Сан-Франциско. Полдень сегодняшнего вторника!.. И всё ты врёшь, матушка! Тебе уж... Ну, не будем цифрами кидаться. Чтобы не нарваться. Но ты же, мать, под себя не гадишь, и кора головного мозга функционирует – дай бог каждому тридцатилетнему!

Зазвонил домашний телефон. Всеволод Алексеевич опрометчиво взял трубку, не удосужившись глянуть на определитель номера.

– Какого лысого ты неделю не отвечаешь на мои звонки, сообщения и письма?! – раздалось гневное контральто.

– Здравствуй, мама, – нежнейше и тишайше промолвил Северный. – Я давно подозревал, что у тебя могучие телепатические способности. Стоило мне о тебе подумать...

– Ах, так ты обо мне думаешь?! Какое счастье, скажите на милость! Это очень любезно с твоей стороны – послать со мной в театр какого-то занюханного аспирантика, ни черта не разбирающегося ни в музыке, ни в манерах! Я, как бездомный пёс, хожу в оперу с каким-то посторонним человеком, не умеющим ни слушать, ни программку даме купить!

– Бездомные псы, мама, в оперу не ходят. Что до программки – надо было ему просто сказать, что она тебе нужна. Ну, не заточены нынешние аспиранты под дам твоего класса. Но они на господские звания и не претендуют.

– Ты мне зубы не заговаривай, старый дурак! Если ты не появишься у меня в ближайшее время и не расскажешь, что это было за представление с этой девкой, претендующей на брак с тобой, то у тебя больше нет матери! И вот ещё что...

Северный отодвинул трубку подальше от уха. Всю неделю он действительно не реагировал на разрываемую «Раммштайном» мобилку. И действительно отослал вместо себя аспиранта – не оставлять же леди совсем уж без джентльмена, такого Рита не перенесла бы. Это было, разумеется, не очень красиво. Совсем даже некрасиво. Потому как поход в театр был запланирован заранее. Так что матушка права по всем пунктам – и ей необходимо дать возможность выговориться.

– Сева!.. Ты тут? – Рита заговорила человеческим голосом. Его матушка была очень хороша, когда говорила человеческим голосом. Сказать по правде, Маргарита Пименовна была очень хороша. И не только внешне, не только физической формой. Рита была очень хорошим человеком. И прекрасной матерью.

– Я тут.

– Севка, она очень красивая, эта девка. Честное слово. Я давно не наблюдала таких красивых женщин. Хотя она и нахалка! – Рита хихикнула.

– Это не она нахалка, мама. Это я старый дурак, ты права.

– Ты когда заедешь? Я ужасно по тебе скучаю.

– Завтра заеду, мам. После работы.

– Ты на ней правда женишься?

– Я бы на ней правда женился. Но она улетела в Калифорнию. А я понятия не имею, как жениться на женщине, которой нет под руками. Поэтому собираюсь послать ей предложение руки и сердца по электронной почте.

– Совсем спятил от одинокой старости?! – Рита резко завелась и перешла в звуковой режим бензопилы. – Предложение руки и сердца надо делать по всем правилам! В приличном ресторане, с роскошным букетом и дорожным обручальным кольцом! Совсем измывало мужицкое племя!..

Очень хорошо, что матушка вернулась в свой привычно-театральный режим. Ещё немного его любимой нормальной мамы – и он расклеится и начнёт рыдать в телефонную трубку, в Ритин ласковый голос, как рыдал он когда-то в её тёплые нежные руки о несчастном собако-человеке, о том мёртвом сенбернаре из «Острова доктора Моро». И как после, много позже, взрослым, рыдал в одиночестве, вспоминая её судорожные сухие всхлипы в его крепкие мужские руки после похорон отца... Вот, кажется, только дважды в жизни Северный и плакал. Ещё Севой – и потом Всеволодом Алексеевичем. Ещё не хватало завывать в полтинник белугой о том, что какая-то Алёна Дмитриевна улетела к херам собачьим в Калифорнию, не сказав ему даже «мяу» на прощанье! Снега ей за шиворот, в натуре! И пусть сама рыдает!

– Марго! – Северный прервал матушкины гневные поучения. – Тебе пора баиньки. В твоём возрасте надо себя беречь. Целую. Завтра заеду!

– Ты мне ещё будешь про возраст говорить?! В свой-то паспорт давно смотрел, паршивец?..

Всеволод Алексеевич аккуратно нажал отбой и поставил трубку в гнездо. Сейчас минут десять-пятнадцать трелей – и мать успокоится. А он пока сварит себе кофе, нальёт вискарика на три пальца и... И почитает «Остров доктора Моро». Но сначала...

Он подошёл к ноутбуку, оживил экран, посмотрел на пустое поле письма, сел и мягко-мягко, и presto-presto сыграл на клавишах этюд:

Алёна, здравствуй!

Ты, конечно, распоследняя мерзавка после всего этого, но тебя оправдывает то, что я тебя люблю! Прости меня, старого дурака, за то, что не встретил тебя раньше. За то, что я не знал, как зовут твою дочь. И за ведро с грязной водой. Прости меня за все вёдра грязной воды и за мою самонадеянную спесьеватость. Когда ты вернёшься, я выдеру тебя самым эффективным инструментом прикладной педагогики – ремнём, прямо по твоей прекрасной заднице. Если с тобой что-то случится – пеняй на себя: с того света достану, не будь я судмедэксперт. Упаси тебя бог выйти ненароком замуж: опорочу, оскандалю, разведу. Спать с мужиками до свадьбы – сколько угодно, хер с тобой (надеюсь, сейчас ты не в койке? На той стороне планеты уже/ещё полдень)... И ты же не замуж выходить туда улетела?.. Хотя надо быть совсем идиоткой, чтобы за замужем в Калифорнию лететь! Да ещё, например, в Сан-Франциско! А ты у меня вроде ничего, с головой...

За моё предыдущее предложение руки и сердца Рита меня уже распилила. Так что на следующий же день после приезда я приглашаю тебя в приличный ресторан (роскошный букет и дорожное обручальное кольцо прилагаются). Я от тебя не отстану, дрянь ты такая!

Целую.

И, не перечитывая, кликнул на «отправить». После чего немедленно захлопнул лэптоп и, удовлетворённо вздохнув, сказал:

— Эх, а ведь всё то же самое можно было сказать короче. Например: *Напиши, когда прилетаешь. Встречу. (Станиславский.)* Ёмко, со вкусом, по-мужски. А я как пацан... Ну и бог с ним. Успею ещё. Зато теперь можно кофе, виски и старую добрую сказку про отрицание Бога, – Северный усмехнулся. – Хотя не такая уж она и старая – 1896-й всего лишь. И, по правде сказать, совсем не добрая. А про отрицание я вообще промолчу...

Всё приготовив и обустроив на своём любимом подносе «под Прованс», Северный взял с полки первый том чуть не пострадавшего сегодня от Дариевой эквилибристики Уэллса, уселся в кресло на лоджии, где ещё не так давно сидела у него на коленях Алёна Дмитриевна, и открыл на странице 145:

«1 февраля 1887 года «Леди Вейн» погибла, наскочив на мель около 1^о южной широты и 107^о западной долготы...»

Глава третья

Прекрасным пятничным утром Северный подъезжал к летнему подмосковному лагерю для детишек небедных людей. Сказать: «для детей богатых» – было бы некорректно. Дети нынешних богатых русских людей проводят время или с боннами на юге Франции, или в закрытых пансионатах где-нибудь в лондонских предместьях. Самые-самые из везунчиков – прямо сейчас с мамами и папами причаливают к Сардинии или, на худой конец, торчат с чопорной бабушкой где-нибудь в окрестностях Лос-Анджелеса (вот далась эта Калифорния!). Так что лагерь в буйно поросшем зеленью ближнем Подмоскovie можно было назвать приютом для именно что небедных людей. Таких, что уже кое-что заработали и стремятся к большему, несправедливо полагая, что статус хоть что-нибудь значит в этом совершенно нестатусном подлунном мире, где сегодня ты – пан, завтра – пропал и твой ребёнок – только твоя забота. По крайней мере, до определённого этапа развития. И никто, кроме тебя, не объяснит ему, что такое хорошо, а что такое плохо. Ни Маяковский, ни озлобленные учителя, вынужденные летом подрабатывать на хлеб свой насущный с капелькой масла, занимая и развлекая «купеческих деток», напоминающих им большей частью Проню Прокоповну в разнообразных её вариациях.

– Куда? – спросил у Всеволода Алексеевича ленивый пузатый охранник, выкатившийся из затрапезной пришлагбаумной будки.

– Туда! – строго ответил колобку Северный.

– А-а-а! – сонно протянул страж порядка, подумавший, что, видимо, это один из папашек нынешних митрофанушек. И не требуя ничего, подтверждающего личность или разрешение на пребывание в сём оазисе счастливого детства, вернулся в свою фанерную обитель, открыв кордон.

«Строгое и значительное выражение лица в этой стране всё ещё является пропуском куда угодно. Куда угодно туда, где всё ещё что-то можно исправить, где всё ещё происходит если уж не что-то важное, то хотя бы хоть что-то ещё происходит! В любом случае в нашей стране ни в Министерство обороны, ни в здание наискосок от реконструированного «Детского мира» так просто ещё не проникнешь. Хотя именно в этих застывших в безвременье заведениях не происходит ничего нового!.. Хм... «Реконструкция детского мира» – зловеще звучит. И вполне в духе времени», – подумал Всеволод Алексеевич, выруливая по дорожкам в соответствии с расписанной Сеней схемой.

А вот и он, главный корпус прежде какого-то мелкого санатория не то Союза писателей, не то работников крупно-рогатой промышленности. По верху трёхэтажного здания реял огромный плакат:

РОССИИ НУЖНЫ ТВОИ ДЕТИ!

«Не отдам! – моментально аукнулось в голове у пятидесятилетнего судмедэксперта. – Зачем России нужны мои дети? То есть – их дети. У меня, слава богам, детей нет. И значит, они не нужны, как минимум, России. Впрочем, бедной России ничего не нужно. Тем более – дети. Дети нужны новым правителям. Очередной гитлерюгенд, прости хоть кто-нибудь меня, грешного!»

Припарковав «Дефендер», Северный набрал Сенин мобильный.

– Привет, олух царя небесного. Пацан сказал – пацан сделал. Я стою под зловещим слоганом о том, что Молоху в очередной раз нужны твои дети. Выходи на плац, строиться!

– Севка, сейчас буду!

Через две минуты из здания выскочил встрепёхнутый Соколов. Он был в полуделовой форме – чёрные брюки и белая рубашка. Брюки трещали по швам. Белая рубашка прилипла к

его пухлому торсу. В Москве и Подмоскowie этим летом царила жуткая жара. Не такая, как прошлым, когда самовозгоралась вечная мерзлота под вечными же торфяниками, но тоже весьма нечеловеческая жара крутых континентальных лет.

«Этой заразе, поди, комфортно в тихоокеанском-то климате!» – подумалось Всеволоду Алексеевичу помимо воли.

Не думать об «этой заразе» он не мог, хотя очень старался.

Не мог не думать о ней во вторник, когда отослал ей идиотское письмо.

Не мог не думать о ней в среду утром, когда первое, что сделал – до традиционной пробежки! – как пацан, прискакал к ноутбуку, ещё не умывшись, – и не нашёл в почте ответа.

Не мог не думать о ней в среду вечером, когда пил с Ритой Бензопилой её вечный коньяк и даже – какой позор! – сдался маменьке на предмет своих чувств. И эта старая карга вместо того, чтобы бросить ему спасательный круг своего матёрого сарказма, взяла да и посочувствовала, проклятая старуха!

Не мог не думать о ней в четверг и даже сегодня ранним утром. Потому что, как глупый юноша, кидался к почте каждые полчаса... четверть часа... к ноутбуку, к компьютеру на работе, к мобильному телефону... И там ничего не было от этой гадины, Алёны Дмитриевны Соловецкой. Смешно. В его возрасте – и вовсе обхохочешься. Никакого достоинства! Хорошо, что никто ничего не знает. Но какая разница, если достоинство – это не когда кто-то что-то знает о недостойном. Достоинство – это когда ты чувствуешь, что достоин сам себя. А это дурацкое поведение Всеволод Алексеевич считал совершенно недостойным. Ему было стыдно перед самим собой. И ещё было бесконечно тревожно за эту дуру Алёну.

– Я так рад, что ты приехал!

– Я тебя хоть раз обманывал?

– Нет. Ни разу. Не припоминаю... Но всё равно страшно рад, потому что знаю, как ты терпеть не можешь детей.

– Сеня... С Алёной всё в порядке?

– Да. Наверное. Не знаю... Она девочка взрослая. Звонит только Алине. Письма пишет, когда захочет или посчитает нужным. Но если Алина мне не звонила – значит, всё в порядке. А что? – Сеня прищурился.

– Ничего, – ответил Северный. – *«Я этой негодяйке послал из Москвы на триста пятьдесят рублей телеграмм и не получил ответа даже на полтинник. Это я-то, которого любили домашние хозяйки, домашние работницы, вдовы и даже одна женищина – зубной техник...»*⁴ — продолжил он с мрачной иронией.

– Чего?! – уставился на него Соколов.

– Ничего!.. Ну ладно, книг ты, пещерный человек, не читаешь. Но хоть кино ты смотришь? Движущиеся картинки...

– А-а-а... – на всякий случай сказал Сеня.

– Мир сегодня не балует меня разнообразием ораторских приёмов, – вздохнул Северный. – Ладно, пошли рассказывать детишкам, как это круто – быть царём на горе трупов.

– Ты это... Текст подготовил? – аккуратно поинтересовался у друга Семён Петрович.

– Мои тексты всегда при мне.

– Но ты... главное, помни – это дети!

– Ну вот... Сначала: «О приди, приди!..» А как только – так начинается. Условия, недоверие, опасения за честь... Сеня, ты напоминаешь мне девицу, жаждущую замужества, но рассчитывающую обойти стороной вопросы секса! Дети. Скажешь тоже! Разгильдяи наверняка, как всегда. Хлебом не корми, дай лягушек через соломинку надувать да кузнечиков в банках морить сотнями!

⁴ Илья Ильф, Евгений Петров. «Золотой телёнок».

– Не, ну, я просто, чтобы... Чисто так... Как бы, чтобы ты...

– Не блей, Цицерон! Солдат ребёнка не обидит, веришь?

– Да! – без малейшей запинки тут же выпалил Семён Петрович и утёр обильный блестящий пот с верхней губы.

– Тут сразу расстреливают, что ли, если что не так? – ележно уточнил Северный. – Какое милое детское учебно-воспитательное заведение. Папок, отваливших немалые бабки, бросает в пот.

– Просто жарко! – пробурчал Сеня. – Хорошо уже издеваться, пошли!

– Пошли. Сейчас только докурю. Полагаю, что во время прочтения милым детишкам лекции о чудесном-чудесном мире судебно-медицинской экспертизы мне этого не позволят. Чашечку кофе-то хоть предложат?..

– Там есть кофейный автомат, в холле! Сейчас я тебе притащу! Ты какой хочешь?

– Горячий. – И Соколов тут же унёсся внутрь здания, как всегда почуяв настроение своего старого товарища. – Пара минут наедине с собой не повредят, – удовлетворённо констатировал Северный. – Равно как и две сигареты вместо одной.

После дозы кофеина с никотином Северному было не так тоскливо идти коридорами административного здания образцово-показательного летнего лагеря. Устроители не слишком утруждали себя за родительские денежки – интерьер не блистал буржуазностью. Весёленькие цвета дешёвенькой краски, лютики-цветочки. Типичная детская поликлиника Четвёртого управления, не более. Стереотипы, стереотипы, стереотипы...

– Легче выкрасить, чем выбросить. Иду – и содрогаюсь. Счастливое детство как оно есть – только теперь ещё и за деньги. Жуть. Надеюсь, хоть азбуки здесь в кожаных переплётах?

– Всеволод Алексеевич, познакомьтесь! – Сеня со значительным нажимом на имя-отчество прервал монолог Северного. – Это Анжела Степановна, директор!

На Северного смотрела весьма молодая особа, более уместная где-нибудь в ночном клубе, нежели в воспитательном учреждении. Ей было около тридцати, не больше. Блузочка, юбочка, туфельки. Вроде бы всё соблюдено, но... блузочка чуть фривольнее. Юбочка чуть короче, чем выдержит психика бронеподростка. Туфельки с завязочками под Древнюю Грецию походили скорее на аксессуар для вовлечённых по недоумию в БДСМ⁵. А судя по макияжу, насыщенностью не уступавшему театральному гриму, дети её интересовали далеко не в первую очередь.

– Здравствуйте, Всеволод Алексеевич! – любезно расплылась Анжела Степановна всем своим нарочито огромным ртом и протянула Северному руку, кою он смиренно пожал. – Семён Петрович о вас много хорошего рассказывал! Мы очень рады, что вы согласились принять участие в нашем дне интересных профессий! Сейчас закончится мастер-класс известного шеф-повара, и после небольшого перерыва – ваше выступление. Могу я предложить вам чаю? – и она ещё раз зловеще оскалилась и стала окончательно похожа на в пух и прах разодетую рыбу дораду. – Пожалуйста, в нашу комнату отдыха! – директриса развернулась к друзьям соблазнительной задницей и, покачивая бёдрами, поплыла по коридору. Северный развёл руками. Сева показал ему кулак.

– Ну же, мужчины, не отставайте! – призывно пропела Анжела Степановна.

Ничего не оставалось, как проследовать за её выдающейся кормой, туго обтянутой полоской чёрного и неуместного в такую жару трикотажа. Северный и Соколов были из поколения хорошо воспитанных мужчин – они шли молча, не присвистывая, не хмыкая, а лишь стыдливо-целомудренно потупив очи долу.

⁵ БДСМ – психосексуальная субкультура, основанная на обмене властью в сексуальных отношениях, предполагающая ролевые игры. В составной аббревиатуре-акрониме BDSM заключены названия основных составляющих этого явления: BD – Bondage&Discipline – неволя и дисциплина, воспитание; DS – Domination&Submission – доминирование и подчинение; SM – Sadism&Masochism – садомазохизм.

В комнате отдыха, последовав приглашению, друзья устроились в кожаных креслах. Как раз напротив портретов президента и премьер-министра. Сама Анжела Степановна ухнулась на диван, издавший при этом протяжный звук, похожий на шипение газоотводной трубки. В двери тут же заглянула молоденькая девчушка.

– Три чая, Леночка! С лимоном. Мне – без сахара! – царственно бросила директриса.

– Да, Анжела Степановна! – подобострастно выдохнула Леночка.

– Вот это и называется, по меткой оговорке твоего отрока, гарантофилией! – нащёптывал Всеволод Алексеевич Сене, подбородком тыча в миловидно отфотошопленные портреты, пока местная владычица отдавала распоряжения.

– Что, простите, Всеволод Алексеевич? – соблазнительно протянула в Северного Анжела Степановна и захлопала развесистыми ресницами.

– Я, любезная Анжела Степановна, как раз говорил Семёну Петровичу о роли оговорок в воспитании подрастающего поколения.

– Поговорок? Да, мы уделяем внимание русскому фольклору. Мы стараемся давать разносторонние знания нашим воспитанникам. У нашего пансиона отличная репутация, и если у вас есть дети...

– О! У меня нет детей, – перебил даму Северный. – А если бы были, то я бы предпочёл, чтобы их воспитывала стая волков.

– Вы сторонник всего естественного? – вполне серьёзно уточнила Анжела Степановна.

– Скажем так: я не сторонник всего искусственного, – Всеволод Алексеевич улыбнулся. – И к тому же рассудите сами, Анжела Степановна, будь я сторонником всего естественного, как вы изволили выразиться, то у меня уже давно была бы куча детишек, как у нашего замечательного Семёна Петровича.

– Да... Стране нужны ваши рекорды, – печально пробормотала директриса. – Вы знаете, Всеволод Алексеевич, у меня тоже пока нет детей. Но я их очень люблю. Потому и стала педагогом. Я очень серьёзно отношусь к своему будущему ребёнку и рожать его лишь бы от кого...

В этот момент в двери вошла Леночка с подносом, и Соколов кинулся помогать девушке расставлять чайник, чашки, блюдечко с лимоном, потому как чувствовал себя немного не в своей тарелке. Из-за друга. Возможно, Анжела Степановна и не самая умная женщина на свете, но какого дьявола? Мало ли дураков на свете?

Сеня поймал взгляд своего старшего товарища. И будь он проклят, но во взгляде Северного читалось: «Да, дураков на свете много. Ничуть не меньше, чем дур. Но если ты сам умный, то какого дьявола доверять собственному сыну учреждению, руководимому дурой, живущей по принципу: больше папиков – хороших и разных. Может, и попадётся какой – состоятельный и незаразный?»

– Да, так вот... – Анжела Степановна слегка покраснелась. Как любая женщина – сто раз умница или трижды дура, – она понимала, что брякнула что-то не то. Не к месту, во всяком случае. Особенно интуитивные способности любой женщины обостряются в присутствии яркого самца. Равно как и способность действовать вопреки своей интуиции. Ей бы молча выпить чай, надув щёки, но Анжелу Степановну несло. – Так вот... Мы развиваем в наших воспитанниках всё самое лучшее. Любовь к родине, любовь к родителям, любовь к...

– Партии и правительству!

– Природе и географии! – хором рявкнули мужчины. Причём последняя реплика принадлежала Семёну Петровичу – и, судя по громкости, он явно хотел заглушить текст Северного.

– ...к жизни, – вдруг неожиданно тихо пролепетала Анжела Степановна.

– Ну, извините, извините меня! – Всеволод Алексеевич поднялся с кресла и подошёл к Анжеле Степановне. – Я был непростительно язвительен. Я не имел на это никакого права. Позвольте вашу руку!

Директриса протянула руку, и Северный почтительно прикоснулся губами. Анжела Степановна разалелась, как маков цвет. Семён Петрович осуждающе покачал головой и бросил на друга испепеляющий взгляд. «Вот на это ты точно не имел никакого права!» – семафорил Сеня. Возможно, он был недоволен таковым поведением товарища из-за Алёны Дмитриевны. Или – что скорее – из-за самой Анжелы Степановны. Потому что она уже попала под обаяние господина судмедэксперта, а если это для кого-то и закончится плохо – то вовсе не для Северного, кобеля поганого!

В этот момент в двери комнаты отдыха опять просунулась Леночка.

– Анжела Степановна, шеф-повар закончил.

– Ведите его сюда! – вскочила с дивана Анжела Степановна.

Диван снова издал противный звук. Всё-таки есть что-то ужасно отвратительное в кожаной мебели. Северный понимал детишек Соколова, изрешетивших папенькино приобретение в гостиную – близнецов гарнитура комнаты отдыха этого лагеря – перочинными ножичками и прочими подручными средствами. Больше отверстий – лучше аэродинамика... Или эргономика? Лучше, короче.

Через две минуты Леночка привела в комнату отдыха запыхавшегося человека в белом фартуке и накрахмаленном колпаке.

– Это есть ужасные дети! – с порога начал высокий, стройный, элегантный повар. – Никакая культура поведения. Я уже не говорить о кулинарной культуре! – он обессиленно упал на «музыкальный» диван. – Они не уметь слушать! Они не хотеть слышать! Они не иметь ничего святого, эти дети! Они не знать, что такое кухня! Они не знать, что такое еда. Они мочь только грубить и жрать! Я больше никогда не ходить к детям!

– Вы, скорее всего, не нашли к ним подход! – возмутилась Анжела Степановна и даже яростно щёлкнула каблуками. – У нас прекрасные воспитанные дети! И, кроме того, я вам предлагала свою помощь! Вы же сами отказались, мотивируя это тем, что можете наладить контакт с любой аудиторией и даже как-то раз устраивали мастер-класс в зоне!

– О-о-о!!! – мечтательно закатил глаза шеф-повар. – Как там меня слушали!

– Их можно понять, – отпустил реплику Северный.

– Да. Да! – радостно возопил со стонущего дивана шеф-повар. – С кем имею честь? – шеф-повар вскочил с дивана и протянул Северному руку.

– Северный Всеволод Алексеевич. Судебно-медицинский эксперт, – он дружелюбно потряс мощную пятерню.

– Джон Стейнбек. Шеф-повар ресторана «Пожарская котлета», – кулинар схватился за Севину длань двумя руками.

– Джон Стейнбек?! Ну надо же!

– Yes! Oh, yes! – Шеф-повар закрыл глаза и экстатически продекламировал: – «Cannery Row in Monterey in California is a poem, a stink, a grating noise, a quality of light, a tone, a habit, a nostalgia, a dream...»⁶ I know, I know it! I have no choice! I know «Cannery Row»!

– Как приятно познакомиться с начитанным человеком! – искренне удивился Северный.

– Me too! – чуть не прослезился повар. – Но я не то чтобы есть сильно начитан, но из-за my паме, вы понимать, я выучить пару первых предложений. Тем более я есть родиться в Калифорния. И тут я не только главный повар ресторана, но и веду кулинарное телешоу «Консервный ряд: тысяча и одно блюдо из рыбных консервов», – шеф изобразил мучительную гримасу. Северный тоже соорудил страдальческую мину. Ещё бы – уже дважды произнесено название ненавистного ему ныне штата! А название замечательной книги использовано на потребу маркетингу.

⁶ Шеф-повар цитирует первые предложения «Cannery Row», John Steinbeck. «Консервный Ряд в Монтерее, что в Калифорнии – поэма, скрежет и смрад, собственный цвет, лад и характер, ностальгическое видение, мечта».

– Меня перетянули в вашу страну, соблазнив гонорарами, – продолжал калифорнийский повар Джон Стейнбек. – Слаб есть человек! А сюда, в этот... – мужчина наморщил высокий красивый лоб, – гробаный ад, – и он, не отрываясь от рукопожатия, гневно ткнул подбородком в сторону багровеющей Анжелы Степановны, – меня попросила прийти наша менеджер. Наша управляющий! Я нажалуюсь на неё оунеру! Я думал, мы с менеджером есть друзья, а она мне подложить, как это у вас, у русских, говорят, – свинья. И её дочь тоже тут ест! Я имею шок!

– Что есть, то есть! Слаб есть человек, ваша правда. И у русских подлог свиньи давно вошёл в поговорку, – Северный деликатно высвободился из захвата повара со слишком литературными именем-фамилией. Ещё немного – и рукопожатие грозило перерасти в объятие. – Мне вот даже пожаловаться некому. Я тут по горячей просьбе моего друга, Семёна Петровича Соколова, – Всеволод Алексеевич сделал широкий жест в сторону бедного Сени. – Его сын тоже тут ест, как вы изволили метко заметить. Так что мы с вами, Джон, в некотором роде коллеги по несчастью.

– О да! Несчастье! Дети – это есть несчастье!

– Не надо так говорить! Дети – наше будущее! – возмутилась Анжела Степановна.

В дверь снова вскочила неугомонная Леночка и сказала, обращаясь к директору:

– Анжела Степановна, они сейчас презентационный зал разнесут. Уже швыряются остатками лобстеров.

– О май гад!!! – испустил вопль шеф-повар Джон и обессиленно упал на диван. «Пшш-пшшшшшшшш...» – нежно закачал на звуковых волнах диван отдавшегося ему кулинара.

– Я сейчас к вам вернусь! – строго наказала ему Анжела Степановна. – Идёмте, Всеволод Алексеевич!

– Я с вами! Мне интересно! – скороговоркой выпалил Семён Петрович, опасливо косясь на Джона Стейнбека, гневно изрыгающего что-то не слишком культурное на английском.

Глава четвёртая

– А сейчас вам о своей профессии расскажет судебно-медицинский эксперт Всеволод Алексеевич Северный! – торжественно объявила толпе детишек Анжела Степановна после того, как некое подобие порядка было восстановлено и останки лобстеров, пучки петрушки и лужицы соуса бешамель были ликвидированы. И торжественно забила в ладоши.

Детки её бурный порыв не подхватили.

«Презентационный зал», а точнее сказать – большая классная комната, был наполнен детишками в возрасте от восьми до четырнадцати. На мордах малолеток застыли выражения от радостных до хулиганских. Причём в большинстве случаев это была хулиганская радость. Или радость хулиганства. На прыщавых лицах тинейджеров прописались в основном презрительно-недоверчивые мины. «Ну чего, будет весело?!» – сияли малолетки. «Ну, давай-ка, спляши-ка нам, очередной клоун! Посмотрим...» – пялились на Северного сквозь высокомерную поволоку странные существа возраста teen.

Клоунаду Всеволод Алексеевич уважал, считая её удивительным и сложным искусством. Клоунада – это балансирование на тонкой грани между трагизмом и самоиронией. На очень тонкой грани. Себя к клоунаде он считал не способным. Педагогических талантов априори не имел.

– Какого чёрта лысого я здесь делаю? – негромко проговорил он.

Аудитория насторожилась. Анжела Степановна, стоящая рядом с Всеволодом Алексеевичем, напряглась. Семён Петрович, сидящий на задней парте, запустил руки в волосы.

– Ну ладно. Здравствуйте, дети! – медленно начал Северный. – Я действительно судебно-медицинский эксперт. И я сразу хочу вам сказать, что профессия эта довольно-таки неинтересная. Я занимаюсь в основном мёртвыми телами. Я вскрываю трупы, если так понятнее. И я, простите, понятия не имею, что и как вам рассказывать. Думаю, нам всем будет легче, если вы будете задавать мне вопросы. Ну, кто смелый? Или хотя бы любознательный?

В классе воцарилась тишина.

– Если так страшно встать и спросить – можно выкрикнуть с места и тут же упасть под парту, – скептически подбодрил детишек Северный. – Я понимаю, что думать – это не лобстерами кидаться.

– Вы что, с детства мечтали вскрывать трупы? – вложив в вопрос всё возможное для его возраста ехидство, уточнил у Северного юнец, покачивающий ногой в проходе.

– Юноша, выкрикивание с места предполагает последующее падение на пол. Вы не ринулись под парту с головой, так что вам придётся встать, представиться и повторить свой вопрос. Вежливым тоном. Или же немедленно шлёпнуться на пол и заложить руки за голову. Какой вариант вы выберёте?

Что-то в тоне Северного было такое, что разношёрстный класс затих окончательно, а юнец медленно поднялся.

– Ну, я Еремеев.

Северный молчал, глядя прямо Еремееву в глаза.

– Пётр Еремеев. Пётр Петрович Еремеев. Вы что, с детства мечтали стать судебно-медицинским экспертом? – Еремеев выпрямился. И даже вынул изо рта жвачку.

Северный продолжал молчать, неотрывно глядя подростку в глаза.

– Всеволод Алексеевич, вы с детства мечтали стать судебно-медицинским экспертом? – вконец смутившись, отчеканил Еремеев.

– Вы неглупый парень, Еремеев. И шутовство вам совершенно не к лицу. Как минимум потому, что вы к нему абсолютно не способны. Вы не против постоять, пока я буду отвечать на ваш вопрос? Вот и славно... Нет, Еремеев. Не с детства. В детстве я мечтал стать космонавтом. Затем – врачом при отряде космонавтов. Позже – хирургом. Потому что такова была мечта моего отца. А потом я получил по голове от отморозков, полагающих, что им всё можно – в том числе ударить человека по голове. Меня спасли маленькая собачка и её маленькая старушка-хозяйка. И врачи. Затем я годик путал верх с низом, право с лево и браваду с клоунадой. К примеру, как вы минуту назад. И только после этого я захотел стать судебно-медицинским экспертом. Неисповедимы пути мутаций наших детских мечтаний, Еремеев. А кем хотите быть вы, Пётр Петрович? – Северный снова уставился пареньку в глаза.

– Я? – Еремеев смутился. – Я как-то пока не думал...

– Сколько вам лет? Тринадцать? Четырнадцать?

– Тринадцать.

– И вы ещё пока не думали? То есть в детстве вы никем не хотели стать?

– Нет, я хотел... Я хотел...

– Смелее, Пётр Петрович! Счастье шута, когда над ним потешается толпа. Вы так хотели развеселить своих товарищей, а теперь, когда вам представилась такая счастливая возможность, вы хотите её упустить? Ну, кем? Кем же вы хотели быть в детстве? Я не знаю ни одного человека, который в детстве не хотел быть хоть кем-то!

– Я хотел быть... В детстве я хотел быть олигархом! – выпалил Еремеев и покраснел.

По классу прокатился смешок.

– Над кем смеётесь? – обрезал детишек Северный.

Все быстренько заткнулись и обратили взоры на распираемого Еремеева.

– Похвально, Пётр Петрович. Похвально! И что вы в детстве представляли себе, мечтая стать олигархом? Я – подсказываю вам, – мечтая стать космонавтом, представлял, как иду по красной ковровой дорожке к космическому кораблю, поднимаюсь по трапу, белозубо улыбаюсь в телекамеры, сосредоточенно смотрю из иллюминатора на голубую прекрасную Землю... А вы что представляли, Пётр Петрович, мечтая стать олигархом? – Северный сделал жест ладонью, мол, не стесняйся, парень, все свои!

– Ну-у-у... – протянул подросток. – Я представлял себе, что живу в доме у моря. В большом доме у красивого моря. И ещё, что я еду на красивом мотоцикле, в штанах из лосиной кожи и...

– Смелее, смелее! Я от вас не отстану! Такая у судмедэксперта планида – не отставать от изучаемого объекта.

– И что меня любят красивые женщины, а на дне рождения поёт Филипп Киркоров! – выпалил пытаемый Еремеев и покраснел.

Северного еле заметно передёрнуло.

– Так, с представлениями понятно. А теперь вернёмся в мою детскую мечту. Желая стать космонавтом, я отдавал себе отчёт в том, что для осуществления своей мечты я должен быть крепким, – Северный поиграл бицепсом. – И умным. Потому что дураков в космонавты не брали, даже если наличествовала белозубая улыбка. То есть я занимался физической культурой и где-то даже спортом. А ещё я каждый божий день, точнее – вечер, прочитывал по главе Детской энциклопедии и приставал к отцу с расспросами, если чего-то не понимал. Ваша очередь, Пётр Петрович. Что делали вы для осуществления вашей детской мечты? Или делаете, – поправился Всеволод Алексеевич, – раз уж детская мечта не скончалась вместе с детством и переползла, мерзавка такая, в возраст незамутнённой самоуверенности.

– Ну я... Ну я, это... Чтобы быть олигархом, надо иметь много денег! И потому я думаю о том, как я буду их зарабатывать!

– Верно. И как же? – не желал отставать бессовестный Северный от употевшего переростка, в коем не осталось ни следа первоначальной нахальной бравады. – Как же вы собираетесь их зарабатывать?

– Ну, я буду работать... Много работать.

– И как именно? Кем именно? Подадитесь путём переселенцев на golden rush⁷? Станете биржевым брокером? Будете ловить удачу? Производить или перепродавать? И что именно производить или кому продавать?

– Я... Об этом я не думал... – чуть не плача, признался Еремеев.

– Замечательно! Подумайте на досуге. Садитесь.

Еремеев тут же с нескрываемым облегчением шлёпнулся в стул. Первоначально приняв ту же расхлябанную позу, в которой был распластан до эпизода пыток детскими мечтами. Но, поймав на себе взгляд Северного, тут же сел, как прилежный первоклашка.

– Другое дело! – одобрил его действия Всеволод Алексеевич. – Итак! – обратился он к аудитории. – Если все уже поняли, что я не с детства мечтал вскрывать трупы, то, быть может, у кого-то есть более предметные вопросы?

Красивая девочка лет восьми, сидящая за первой партой, подняла руку.

– Пожалуйста! – пригласил её Северный.

– Я – Анна Сергеевна Толоконникова! – чистым голосочком произнесла красotka. – И я с детства мечтаю стать кочегаром! Точнее, в совсем детстве я хотела стать фотомodelью, а потом уже и до сих пор – кочегаром. Но мама и папа против. И даже бабушка против. Они надо мною смеются, вот! – надула она губки и села. Но тут же снова подняла руку и, не дожидаясь разрешения, встала: – А ещё я люблю пюре с котлетой и солёным огурцом. А лобстеры – не люблю.

– Лобстеров, – автоматически поправил Северный маленькую смелую девочку.

– Анечка, – обратилась к ней Анжела Степановна, – Всеволод Алексеевич нам сегодня должен рассказывать о своей профессии. И вопросы ему надо задавать по теме. Ему вовсе не интересно, что ты любишь.

– Я не Анечка! Я – Анна Сергеевна! – притопнула ножкой Толоконникова.

⁷ Золотая лихорадка.

– Почему не интересно? – обратился Северный к директрисе. – Судебно-медицинскому эксперту как раз всё-всё интересно. Именно в этом – интересе ко всему – и лежит основополагающая черта любого судмедэксперта. И не только судмедэксперта. Интерес ко всему – основополагающая черта любого человека. Человек – это тоже своего рода профессия. И профессия «человек» – она пожизненная. До самой-самой-самой... – он обратился к маленькой Анне Сергеевне Толоконниковой.

– До самой пенсии? – неуверенно сказала голубоглазая Анна Сергеевна.

– Можно и так сказать, – улыбнулся ей Северный. – Если называть пенсией профессии человек смерть человека. Или не пенсией, а уходом человека на, так сказать, заслуженный отдых. Согласны?

Дети и даже подростки смотрели на Северного с искренним любопытством. И немного испуганно. Никто не соглашался, но и не оспаривал.

– Как-то вы слишком, Всеволод Алексеевич, – тихонько прошептала Анжела Степановна.

– Отчего же слишком, дорогая директор? Оттого, что с детьми не принято говорить о смерти? Я всё чаще замечаю, что с детьми вообще не принято говорить. Ни о чём. Даже о пюре с котлетой и солёным огурцом. Кстати, – обратился он к уже севшей Ане, – сам обожаю их куда больше этих странных лобстеров. Ну, лобстер и лобстер. Краб заморский. Не будешь же его каждый день есть, в конце концов? Это ж мучение какое-то! Другое дело – правильная котлета с правильным пюре! Я уж не говорю о правильном солёном огурце! Где родился – там и подкрепился, как говорят...

– Пригодился.

– Что?

– Где родился – там и пригодился. Так правильно, – маленькая смелая Анечка смотрела на него с ясным недоумением.

– Конечно. Я лишь позволил себе перефразировать известную поговорку на кулинарный манер. И хочу заметить, что неправильной она от этого не стала. А ну-ка, поднимите руки те, кто не отказался бы сейчас от горячей домашней котлетки с пюре, с укропчиком и сливочным маслом? Поднагуляли, поди, аппетит в боях с заморскими крабами, а? – Чуть ли не вся аудитория дружно вздёрнула вверх руки. – Вот об этом я и говорю. Сегодняшние лобстеры – это такая взрослая игра, преподнесённая вам как то, что «должно быть». Взрослые подумали и решили, что вам это должно быть интересно. Только никому не пришло в голову, что вам это будет интересно не как аспект кулинарного искусства, а скорее как что-то близкое к театру, к комедии. И так со многими вещами. Такая же чехарда случается, когда взрослые пытаются преподнести вам смерть. А между тем все вы прекрасно знаете, что такое смерть. Наверняка у кого-то из вас уже умирал любимый хомяк или попугайчик, или даже любимая бабушка, умевшая правильно солить огурцы. А кто-то уже и сам убивал! – Северный сделал паузу. – Например, муху, таракана или покрупнее кого. Где по дурости, где по неосторожности. Живое ведь так хрупко, если разобраться. Так что вы все уже так или иначе понимаете, что жизнь – конечна. Просто пока ещё не примерили это на себя. Потому что в вашем возрасте ещё кажется, что жизнь – бесконечна. И смерть – это с кем угодно. С любимой бабушкой, вместе с которой куда-то подевались правильные солёные огурцы. С хомяком, которого жалко до слёз. С тараканом, которого ни капельки не жалко. Но никак не с тобой. Потому что ты мечтаешь стать олигархом или кочегаром. Когда-нибудь потом, не сейчас... И вы все живёте, ни на мгновение не задумываясь о том, что этого «потом» может и вовсе не быть. Потому что, например, Еремеев, может упасть замертво. Прямо здесь, прямо сейчас. Потому что в его мозгу разорвалась аневризма, о наличии которой ни он, ни его родители не подозревали. Или мне прямо сейчас на голову упадёт фрагмент потолка этой комнаты. Потому что ремонтникам достался сильно обкусанный бюджет, а у них у самих семьи. И меня в одночасье не станет. Со всеми моими мыслями, чувствами, желаниями... – Всеволод Алексеевич замолчал.

Аудитория смотрела на него во все глаза.

– Кажется, Пётр Петрович был бы не против такого развития событий! – хохотнул Северный.

– Нет-нет, мне очень интересно! – заверил Еремеев, вскочив с места.

– Ну, если интересно, то тогда предлагаю отпустить Анжелу Степановну, дабы она достойно проводила умученного вами шеф-повара скорбеть о безвременно и, увы, бесцельно и безобразно погибших лобстерах, и продолжить беседу о смерти. Есть возражения?

– Не-е-ет! – стройным хором весело проблеяли дети и подростки.

– А вы... – недоверчиво начала было директриса.

– Однажды, – прервал её Северный, – я уговорил четырёх одичавших волкодавов превратить трапезу. И лучше не спрашивайте меня, что у них было на обед, Анжела Степановна... Сохранность имущества, детской и моей психики я вам гарантирую.

Анжела Степановна, состроив своим значительным ртом значительную же куриную гузку, издала какой-то странный звук и потопала к двери. Северный дождался, пока она выйдет и закроет дверь, мельком бросил взгляд на побледневшего Соколова и обратился к своим юным слушателям:

– Думаю, будет гораздо удобнее, если вы не станете грузить меня своими именами-отчествами-фамилиями. А, например, напишете интересующие вас вопросы на бумажках. Мой ассистент, Семён Петрович, сидящий на задней парте, соберёт эти бумажки, и я отвечу на те вопросы, на которые успею. С учётом того, что время нашей с вами встречи ограничено. А мы уже и так его потратили на организационно-вдохновительные моменты. Даю вам пять минут на вопросы. Точнее – на вопрос! Один вопрос – на один нос! А сам пока, пожалуй, выйду перекурю. Душновато у вас здесь. Оставляю за главного Семёна Петровича. Семён Петрович, прошу вас! – Северный сделал вид, что в упор не замечает отчаянной Сениной жестикуляции. – Прощу, прошу! Сюда, на лобное место!

Сеня нехотя встал и медленно пошёл.

– Не стесняйтесь, Семён Петрович. Это всего лишь дети! – улыбнулся Северный широко, дружелюбно-дружелюбно. – Посплетничайте, пока я перекурю. Большинству из них уже до чесотки интересно, что было на обед у тех волкодавов, правда, детки? Вот ты им быстренько и расскажешь.

– Я тебе, Северный, этого никогда не прощу! – прошипел Соколов сквозь зубы.

– Мы многого друг другу никогда не простим, дорогой мой. Что не помешает нам нежно дружить и впредь. Надеюсь, за пять минут милые детки не сделают из тебя пожарскую котлету!

Вернулся Всеволод Алексеевич как раз вовремя – уровень децибелов нарастал и угрожал достигнуть слуха Анжелы Степановны, успокаивающей шеф-повара Джона Стейнбека в комнате отдыха, находящейся этажом выше «презентационного зала».

Семён Петрович собрал тщательно, секретно свёрнутые листочки в какую-то симпатичную коробочку, стоявшую на столе. Северный подошёл к ней и, перемешав бумажки, извлёк одну, развернул и прочитал аккуратно выведенное нарочито крупным детским почерком:

– *«Скажите, а после смерти человек попадает на тот свет? А там, на том свете, есть ад и рай?»* – Всеволод Алексеевич выдержал паузу. – Во-первых, это уже два вопроса. И это уже нарушение правил. Во-вторых, я не могу ответить ни на один из них. Потому что я ещё не умер. Я – живой. А куда попадает человек после смерти, любой человек – даже такой умный человек, как я, – может выяснить только после, собственно говоря, смерти. И в этом мы все равны. Что олигархи, что кочегары. Я не знаю, что вам несут попы на уроках основ православной жизнедеятельности. Но в любом случае хочу заметить, что если они по этому поводу что-то несут, то это полнейшая чушь. Или, если вам угодно, сказки. Выдумывать сказки – не грех. Грех преподносить их как документальное кино. Или, говоря проще, врать – грешно. Я не хочу вам врать и потому честно говорю: я не знаю ответов на эти вопросы.

Анечка Толоконникова прилежно тянула ручку, лукаво глядя Северному прямо в глаза.

– Я знаю, Анна Сергеевна, что у вас есть что нам сказать по данному вопросу. И уверен, что любому из здесь присутствующих есть что сказать, но, увы, у нас нет времени на дискуссию. И, говоря совсем уж откровенно, у меня нет ни малейшего желания дискутировать со столь неподготовленной аудиторией на столь бессмысленную тему. Мысли и речи о бессмысленном – прерогатива исключительно образованных взрослых людей. Потому, Анна Сергеевна, не тяните зря вашу милую ручку. Спасибо.

Девочка надула губки. Северный, порывшись в коробочке, извлёк следующую бумажку:

– *«Судмедэксперт он какой врач? Вот наша соседка она ухогорлонос. И лечит уши горла и носы»*. Хороший вопрос, хотя почерк препоганый и стиль тот ещё, – констатировал Всеволод Алексеевич. – Судмедэксперт – он врач-универсал. Как хороший надёжный джип. Судебно-медицинский эксперт набит знаниями, как голова вашего, дети, Петра Петровича Еремеева – мечтами. Судебно-медицинский эксперт умён, как отменный кардиолог, ловок и силен, как отличный травматолог, хитёр, как психиатр. Он манипулирует людьми, как толковый педиатр – детьми. А уж что судмедэксперт может проделать с ушами, горлами и носами – так то ни одному оториноларингологу в страшных снах не может присниться. Судмедэксперт хладнокровен, как патологоанатом, и нежен, как пластический хирург. Судмедэксперт проницателен, как отменная гадалка, и красноречиво остроумен, как виртуозный софист. Для судмедэксперта нет тайн не только медицинских, но и юридических. Потому как хороший судмедэксперт знает назубок не только Большую медицинскую энциклопедию, но и Уголовный кодекс Российской Федерации. Равно как и Гражданский. Судмедэксперт – умный врач. И чтобы стать судебно-медицинским экспертом, необходимо много учиться. Много. Много-много-много. И никогда-никогда судебно-медицинскому эксперту не стать олигархом. Так что, Еремеев, вам не стоит и начинать.

– А чего сразу Еремеев?! – обиделся парнишка.

– Цыц!

– А чего сразу «цыц»?! Я вам тоже, между прочим, написал очень важный для меня вопрос, а вы цыкаете.

– Если тебе повезёт – и на твой вопрос отвечу. Заодно проверим твою удачу. Удача для мечтающего стать олигархом – самое оно, поверь.

– Сами спросили, а сами издеваетесь! – Еремеев даже отвернулся, так обиделся.

– А ты думал?! Во все времена, Еремеев, люди страдали за правду. И от правды. Поэтому умные люди врут. А мудрые – помалкивают.

Анечка Толоконникова снова начала тянуть ручку. И даже ею трести.

– Ну? – строго посмотрел на неё Северный.

– А почему ему можно говорить без руки, а мне нельзя?!

– Потому что он – расхлябанный и нелюбознательный мальчишка. А вы, Анна Сергеевна, – красивая и послушная девочка. Чем выгодно от Петра Петровича отличаетесь.

Тут вдруг поднял руку Дарий Соколов. Хотя отец и заставил его дать клятву на картинке обещанного ему нового мобильного телефона, что он не будет мешать дяде Севе и вообще не признается, что с ним знаком. Мало ли...

– Да, Дарий Семёнович, прошу вас. В конце концов, для чего ещё нужен блат и прочее кумовство?

– Дядя Се... Всеволод Алексеевич, если вы вдруг не вытащите мой вопрос, то ответьте мне сразу и сейчас: вы отрубили трупам головы?

– Вот, Еремеев, учись! Ждать удачи может каждый. А нагло вырвать у жизни первую очередь – на это способны немногие. Но – буду справедлив. И не отвечу Дарию на его вопрос. Как минимум для того, чтобы избежать хаоса. Ответь я сейчас этому маленькому неуклюжему хитрецу вне очереди – на меня обрушится шквал вопросов, и наши интересные упорядоченные

посиделки накроет волной выкриков с места. Садитесь, Дарий Семёнович. А в наказание за неуместный внеочередной выпад я не отвечу на ваш вопрос, даже если он мне попадётся. Хуже нетерпения может быть только наглое нетерпение.

– И чем же мне помог блат и это... кумовство? – возмущённо воскликнул Дарий.

– В том-то и дело, брат Дарий Семёнович, что ничем. Они вам не только не помогли, но даже помешали. Но, признайтесь, ваш вопрос, правду говоря, ужасно глуп. Садитесь!

Дарий сел и расстроено посмотрел на папу. Соколов делал вид, что не замечает взглядов наследника. Но про себя поклялся на сей раз наказать клятвопреступника и не покупать ему новый мобильный телефон. Ни за что!

Северный извлёк на свет очередную бумажку:

– *«А какая разница между судебно-медицинским экспертом и патологоанатомом?»* Вот! – наигранно-радостно воскликнул Всеволод Алексеевич. – Наконец-то умный вопрос. Наверное, его задала девушка, – он пристально осмотрел девиц подросткового возраста. Одна из них выглядела смущённой. – И наверняка, – произнёс Северный, обращаясь уже только к зардевшейся, – эта умная девушка хочет стать врачом. Похвально, похвально! Отвечаю. Патологоанатом и судмедэксперт – профессии смежные, не путать со «схожими». Патологоанатом работает с трупами людей, умерших в больнице. Патологоанатому проще – у него на руках какой-никакой диагноз, история болезни и прочий вспомогательный материал. Перед тем, как приступить к вскрытию, патологоанатом все эти документы детально изучает. И хотя бы в первом приближении представляет себе, что его ожидает. Для судебно-медицинского эксперта труп – это задача со слишком многими неизвестными. Ребус. Загадка. Иногда – ловушка. И при этом судмедэксперт, как и патологоанатом, обязан установить причину смерти. Что легче? Патологоанатому во всём легче. – Северный вздохнул. – Патологоанатом не освидетельствует живых людей. Чего никак не может избежать судмедэксперт. Патологоанатом куда меньше общается с представителями органов юстиции, а также с людьми, которыми органы юстиции активно интересуются. В общем, женщине профессия патологоанатома подходит куда больше профессии судмедэксперта. Хотя и куда меньше, например, терапевта. Толковый терапевт никогда без куска хлеба не останется, – Всеволод Алексеевич ещё раз посмотрел на девушку-подростка.

– *«А бывало, что вы вскрывали живых людей? Вот на вид он такой мёртвый-мёртвый, мертвее не бывает, а тут вы его ножом так – раз! – а он такой: «А-а-а!!!»* – вопрошала следующая бумажка.

– Ни разу за четверть века практики. Это кто-то из вас фильмов насмотрелся. Кто-то, судя по почерку и грамотности, уже достаточно взрослый. Но недостаточно для того, чтобы понять, что комичные, как правило, киношные сцены ничего общего с жизнью не имеют. Их суть – фарс. Цель – развлечение публики. А в действительности, – Северный изобразил «страшные глаза», – если я кого такого ножом – раз! – то он, такой, уже ничего не закричит. Даже если до того и был жив... Ну, что там ещё? – Северный достал бумажку, замотанную в цветную резинку для волос.

– Это мой вопрос! – счастливо взвизгнула маленькая Анечка Толоконникова.

– Анна Сергеевна, вы лишили себя анонимности, а это против правил. Потому на ваш вопрос я отвечу после, – Северный положил Анину записку в карман брюк. И достал из симпатичной коробочки следующий вопрос.

– *«Как легче убить себя? То есть я хотел спросить, как меньшее всего себя убить? Из пистолета не так больно, как повеситься? Или легче всего ядом? А если под рукой нет пистолета и яда, а верёвкой пользоваться не умеешь, тогда что?»* Так... – Всеволод Алексеевич внезапно сменил свой вечно немного ироничный высокомерно-дружеский тон на очень серьёзный – и внимательно осмотрел класс. Примерно тридцать детишек. Примерно треть из тридцати как раз вошли в тот возраст, когда впервые режут вены из-за неразделённой любви,

из-за неосторожно брошенного в сердцах родителями и из-за прочей подобной чепухи. Увы, иногда кое-кому из таких удаётся добраться до секционного стола.

Северный ещё раз очень пристально всмотрелся в лица именно подростков. Почерк, скорее всего, мальчишеский. Ломаный, отрывистый, нервный... Да и род: «...я хотел...»

Он подошёл к флипчарту, имевшемуся в этом «презентационном зале», взял маркер и разделил поле листа на несколько колонок. Вверху провёл горизонтальную линию. Чётким каллиграфическим почерком он подписал первый из образовавшихся столбцов.

«Фантомасы»

И обернулся к аудитории. Ни искорки веселья не было у него во взгляде. Ни тени иронии.

– Так называют работники морга тех, кто застрелился, – ткнул он маркером в колонку. – Выстрел в голову не похож на то, что показывают в кино. От выстрела в упор голова раскалывается, как спелый арбуз. Сносит полчерепа, отрывается челюсть, вышибает глаза, – всё сказанное Северный аккуратно и разборчиво записал в столбик. – Для приличия и за большие бабки санитары будут набивать череп «самострельца» ватой, конструировать голову из проволоки, подстраивать недостающее. Делать посмертную маску. Поэтому простим им их незатейливый юморок. Как ещё таких назвать, как не «фантомасами». Улавливаете?

Не дожидаясь реакции, в следующей колонке Северный вывел:

«Засранцы»

— Этих не любят ещё больше, чем «фантомасов». Повешенные. Вынутые мёртвыми из петли. Дежурные санитары обычно бросают жребий, кому раздевать и отмывать загаженный труп висельника. При удушении расслабляются сфинктеры прямой кишки и мочевого пузыря. Содержимое и запах унитаза ни у кого не вызывает жалости. Особенно у санитаров морга. Впрочем, если родители повесившегося сынишки-подростка хорошо заплатят, то санитары будут бороться за право вытереть зад такому парню. Затем с лица ещё надо убирать гематомы – жуткие синие пятна – и забивать в глотку распухший язык. Чтобы покойник прилично выглядел в гробу и его маменька и папенька могли его выставить на достойное погребение. Жуткие синие пятна до конца, как правило, не убираются... Да и язык заколачивается не полностью. Так что если любимая бабушка или любимая девушка захотят поцеловать покойного перед его окончательной отгрузкой под землю или в печь крематория, то рвотный рефлекс – самое милое из того набора физиологических реакций, что их ожидает.

Тридцать пар детских и юношеских глаз смотрели на Северного с ужасом.

– Если кому-то плохо... Из детей! – уточнил Всеволод Алексеевич. – Он может покинуть помещение. Подростки остаются на своих местах. Понятно? – рявкнул он. – Аня, – уже куда нежнее и мягче обратился он к маленькой Толоконниковой, – ты как себя чувствуешь? Не хочешь выйти из класса?

– Нет! Мне жутко интересно, хотя и жутко страшно! – сделала польщённая личным вниманием девчушка большие глаза.

– Вот и хорошо. Внимательно смотрим и слушаем дальше:

«Соньки»

Озаглавил Северный следующую колонку.

– Так на жаргоне всё тех же циничных санитаров морга называются травящиеся снотворными и психотропными таблетками. А какие ещё «яды» под рукой у несчастного подростка? Перекошенные в последней бессознательной судороге лица напоминают кошмар. Уму непостижимо, какие красавицы и красавцы при этом превращаются в чудовищ! Вы даже представить себе не можете. Разминать и ставить на место одеревеневшие лицевые мускулы – работа санитарам до седьмого пота. Поэтому её никто не торопится делать без крутой, сами понимаете, мзды. Ну, да у вас у всех небедные родители – заплатят, если что. Но главное, даже пере-

кошенной «сонькой» стать не так-то просто! Дело в том, что и «недобор» таблеток, и «передоз» вызывают однозначную реакцию организма – рвоту. Обильную, некрасивую, отвратительную рвоту. По загаженному уже полу «сонька» кидается в ванную комнату или в туалет. Поскальзывается, ударяется головой об унитаз или край ванны, теряет сознание и захлёбывается в рвотных массах. Так «соньку» и находят – в блевотине, с разбитым лицом... И никакой антураж типа оставленной романтической записки под свечой и лепестков роз на одеяле уже не сделает смерть «соньки» красивой... Следующие клиенты называются... – Всеволод Алексеевич вывел:

«Боксёры»

– А это – ласковое прозвище самосожженцев. Если им повезло – то есть они не скончались в страшных мучениях от ожогов, а сразу потеряли сознание и дали огню доделать своё дело, – мышцы укорачиваются и навеки оставляют руки и ноги полусогнутыми. Причём руки выставлены вперёд именно что в боксёрской стойке, а колени подтянуты к животу. Распрямить всё это возможно только насильно. А именно – посмертной расчлёнкой, чтобы хоть в гроб было что уложить любящей родне. Если не совсем понятно – объясняю: санитары рубят такой труп на куски. О запахе горелой плоти я промолчу. Вы, слава богу, не способны это оценить. Дополнительно сообщу моему юному анонимному интересанту не упомянутые им способы покончить с жестокой жизнью. – Северный снова заскрипел маркером:

«Нафаршированные»

– Совершенно верно было замечено у мало кому из вас, неандертальцев, известного Александра Островского в забавной пьесе про семейные отношения и утопленницу «Гроза». Люди не летают, как птицы. Люди шмякаются об асфальт с ускорением девять целых и восемь десятых метра в секунду, как и положено учебником физики. Шмякаются и... растекаются внутри одёжек. Кости и мышцы превращаются в фарш. «Нафаршированный» – ещё одно словечко из морга. Простите санитаров, но такие самоубийцы тоже прибавляют лишней работы. Сперва упаковывают то, что от них осталось, в целлофановый комбинезон, затем окутывают прослойкой из ваты и ветоши и лишь потом одевают и укладывают в гроб. И всё равно кое-что просачивается. Жуткое зрелище, поверьте на слово. И ещё... – Северный вывел в последней колонке:

«Огарок»

– Так ласково называют отравившихся едкими жидкостями, потёки которых страшно обезображивают лицо. Но главное, если ты, как тебе показалось – мужественно! – глотнул уксусной кислоты, мгновенно сжигается слизистая рта, пищевод и желудок. Ты умрёшь, непременно умрёшь. Но через пару суток. И будешь постоянно рвать. И изо рта у тебя будет идти пена. А боль, испытываемая тобой, будет кошмарна. Умрёшь обязательно. И обязательно – в страшных муках. В морге бедные санитары ломают голову, как замазать обугленные следы от кислоты. И в конце концов родственники видят в гробу белую алебастровую маску. Мать родная испугается, не то что пришедший уронить покаянную слезу любимый человек... Достаточно примеров? Но знаете, что главное, детки и подростки? Главное вот что... – Северный огромными размашистыми заглавными буквами написал под названиями колонок поперёк:

САМОУБИЙЦЫ – ТРУСЛИВЫЕ ДУРАКИ!

— Потому что умный и смелый человек всегда найдёт решение, совместимое с жизнью собственного тела. Пользуясь собственным интеллектом и собственной душой. Смерть ничего не решает. Смерть – это даже не бегство. Потому что бегут куда-то. А смерть – это ничто. Тот, кто решает убить себя, потому что его не любят, потому что его не понимают или, например, не купили кожаную куртку, – законченный глупец. Не любят? Добивайся или смиришься.

Не понимают? Объясни или уходи. Не устраивает мир, в котором живёшь? Построй свой собственный и живи в нём. Или, на худой конец, поговори... С мамой. С папой. С другом. Хоть с кем-нибудь... Со мной.

Класс молчал. Северный смотрел на детей и подростков. Дети и подростки смотрели на Северного. Сеня смотрел на Дария с невыразимой любовью, и, кажется, пацану сегодня грозил папин душещипательный трёп до седьмых петухов. Бедный Дарий!

В дверь энергично внеслась Анжела Степановна, таща за собой сухопарого старичка.

– Всеволод Алексеевич, вы закончили? – строго уставилась она на Северного.

– О да. На сегодня, я полагаю, деткам более чем достаточно судебно-медицинской экспертизы, – он взял губку и быстро стёр всё написанное на флипчарте.

Дети и подростки открыты миру в большей степени образного мышления. Тем и защищены. А вот тридцатилетнюю классную даму – законсервированную неумёху – очень даже может случиться, что и не очень обрадует подобная «наглядная агитация». Точнее, антиагитация.

– Тогда после небольшого перерыва вам расскажет о своей профессии учёный-кристаллограф! – обратилась директриса к классу.

– Мы не хотим кристаллографа! – пискнула раскрасневшаяся девушка, явно мечтающая стать врачом.

– И перерыва не хотим! – снова расхлябанно с места заявил Еремеев.

– Мы хотим ещё про смерть! – притопнула ножкой маленькая красотка Толоконникова.

– Про смерть?! – чуть не присела на пол директриса.

– Не пугайтесь, Анжела Степановна, эти юные правдоискатели переполнены жизнью, что бабушкина крынка молоком. А со смерти что за навар – ни бабушки, ни молока. И похоже, что все эти сорвиголовы вполне отдадут себе в этом отчёт, не правда ли, дамы и господа? Вопрос риторический. Я в этом уверен. А посему, позвольте мне не подписываться сегодня под дедушку вашего разношёрстного полка. Спасибо за внимание. Если у кого-нибудь, – он ещё раз внимательно оглядел подростков, – возникнут вопросы – я ещё некоторое время буду в комнате отдыха пить чай с Анжелой Степановной.

– Конечно-конечно! – вдруг неожиданно мило заворковала раскрашенная директриса.

– И Семёном Петровичем, – Северный махнул другу рукой.

– Ну да, и с ним, разумеется! – зарделась под тональным кремом директриса. – Идёмте!

Друзьям снова ничего не оставалось, как проследовать за её выдающейся, туго обтянутой чёрным трикотажем кормой. Северный и Соколов были из поколения хорошо воспитанных мужчин – они шли молча, не присвистывая, не хмыкая, а лишь стыдливо-целомудренно потупив очи долу.

Глава пятая

– Зачем вы оставили милого старичка-кристаллографа деткам на растерзание? – язвительно поинтересовался Всеволод Алексеевич у Анжелы Степановны.

– Ах, если бы вы знали, как он меня утомил! Пришёл слишком рано, я ещё не распрошлась с шеф-поваром. А этот Стейнбек, наглец, так возмущался, требовал извинений, как будто не сам виноват в том, что не нашёл к детям подход! Я тут рассыпаюсь, а на пороге уже это чудо стоит...

– Анжела Степановна, ни повар, ни старичок-профессор ни в чём не виноваты. Точнее – виноваты только в том, что согласились на эту авантюру: нести доброе и светлое порождениям мрака – вашим деткам.

– Это не мои детки! А вот их! – указующий перст впился в Семёна Петровича.

– Сев, может, уже поедет? – жалобно проблеял Соколов, глядя на Северного с выражением лица едва обретшего папку беспризорника.

– Скоро поедет, мой сладкий, скоро поедет, – нежным дядюшкой обратился к другу Всеволод Алексеевич.

Анжела Степановна подозрительно покосилась на старых товарищей.

– О, нет-нет! Не беспокойтесь, глубокоуважаемая директор! Это не то, что вы думаете. Мы не два старых гомосексуалиста, а Дарий – не продукт слияния моих или Сениных сперматозоидов с донорской яйцеклеткой, извергнутый из инкубаторского лона суррогатной матери. Мы парни вполне традиционных ориентаций – слава богу, не в содомском Сан-Франциско обитаем, чтоб ему со всей той клятвой Калифорнией! А в суровом православном русском стольном граде нашей правильной Родины. Нежность же у нас ещё не отнесена к категории смертных грехов? Я просто нежен с моим другом. И скажите спасибо, что ему с детства вдолбили в голову, что мужчины не плачут. Не то бы он сейчас заплакал.

– Ничего бы я не заплакал! Что ты мелешь чушь, Северный?! – пробурчал Сеня. – Чего мне плакать?

– Да, действительно. Тебе плакать совершенно не из-за чего. А вот тут, в этом богоугодном заведении, скоро будут литься слёзы. И я – совершенно серьёзен.

– Что такое? – Анжела Степановна насторожилась.

– Скажите мне, дорогая, детки проходят медицинский осмотр перед тем, как получить право на счастливое лето в вашем учебно-воспитательном учреждении, или довольно квитанции об оплате?

– Разумеется, Всеволод Алексеевич, дети проходят медицинский осмотр! – Анжела Степановна встала с шумного дивана, где сидела, закинув ногу на ногу, давая возможность господину судмедэксперту оценить по достоинству своё нижнее бельё, и нервно прогарцевала к окну.

– Где? Как именно? – не отставал этот упрямец, не обративший должного внимания на педагогические кружева.

– Родители приносят справки о состоянии здоровья детей из поликлиник по месту жительства. Или из поликлиник, в которых они обслуживаются.

– И какие именно специалисты их осматривают? Что именно предполагает эта справка?

– Стандартная форма, – Анжела Степановна пожала плечами. – Терапевт, окулист, хирург, инфекционист, прививки...

– Понятно. – Северный отпил из чашки прохладный чай и поморщился.

Чай в пакетиках гораздо хуже резиновой женщины. К услугам последней, что правда, Всеволод Алексеевич ни разу не прибегал, так что аналогия так себе... Чай в пакетиках гораздо хуже чугунных рыл проводниц РЖД, с коими Северный дело неоднократно имел. Особенно

раньше, когда частенько катался в командировки за казённый кошт. Эти проводницы-то и в СВ – сплошные держиморды. Что уж говорить о купе или плацкартных вагонах, в коих нередко приходилось трястись в не такие уж и незапамятные времена. Почему-то Анжела Степановна вызывала у эстета-сибарита-циника Всеволода Алексеевича Северного ассоциации именно с этими служительницами сферы обслуживания. Хотя, если её отмыть, нормально одеть и немного разморозить здоровым сексом – она могла бы походить на стюардессу. Не Люфтганзы, разумеется, но на Аэрофлот вполне бы потянула. А этот ужасный желтоватый чай с синтетическим душком, напоминающим скорее одеколон «Свежесть», чем запах лимона...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.